

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 16 АПРЕЛЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

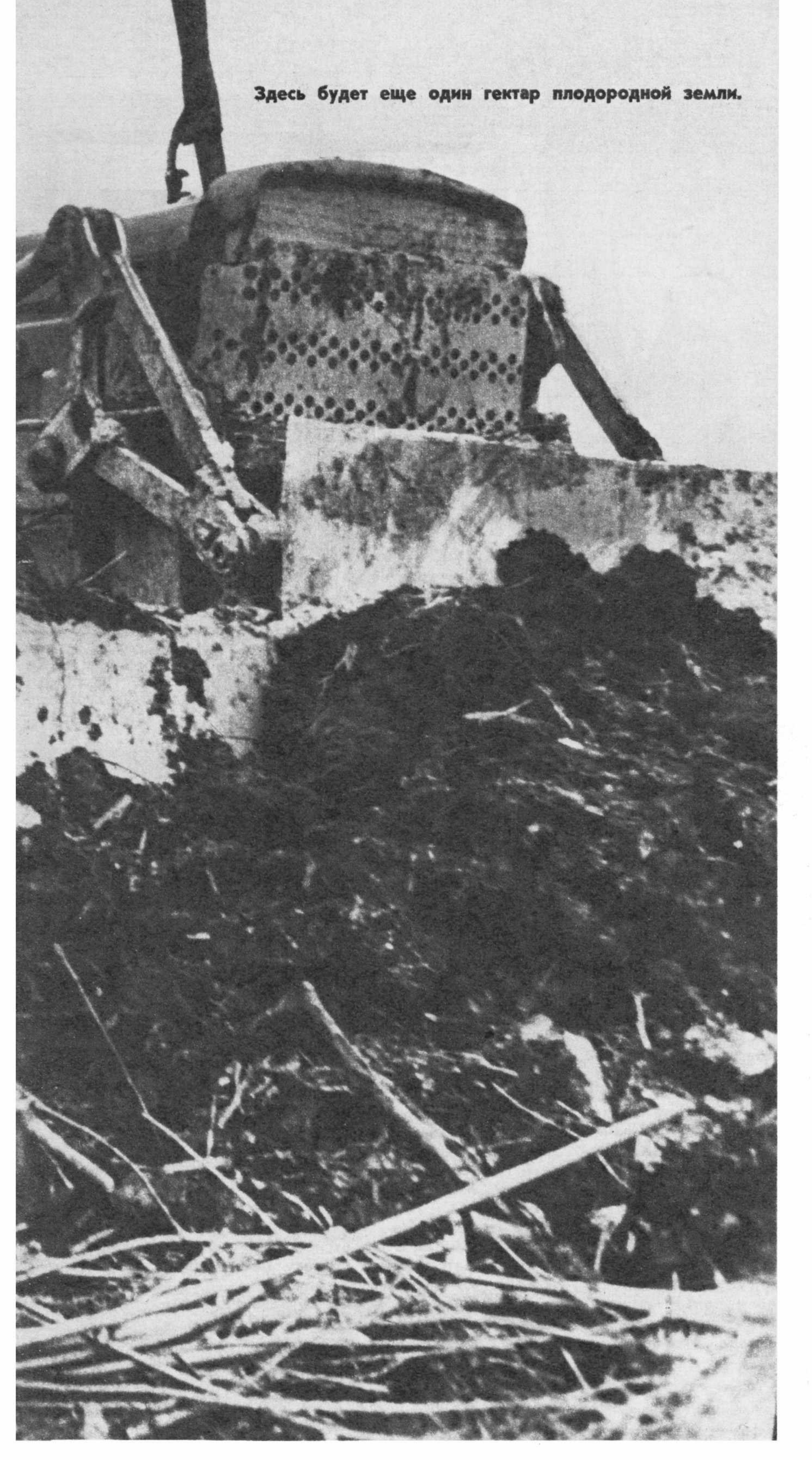
№ 16 (2441)

13 АПРЕЛЯ 1974

Здесь будет еще один гектар плодородной земли.

НЕЧЕРНОЗЕМНЫЙ ГЕКТАР

Недавно опубликованное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» — документ большого политического и экономического значения. В нем ярко выражен комплексный подход к осуществлению главных целей аграрной политики партии. Обеспечение высоких темпов подъема сельскохозяйственного производства в зоне, земельные угодья которой занимают 52 миллиона гектаров, признано делом общегосударственным.

3 апреля в Центральном Комитете КПСС состоялось совещание, на котором были обсуждены конкретные задачи партийных, советских и хозяйственных органов по организации выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. С большой речью на совещании выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВ.

А. ГОСТЕВ,
Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальные корреспонденты «Огонька»

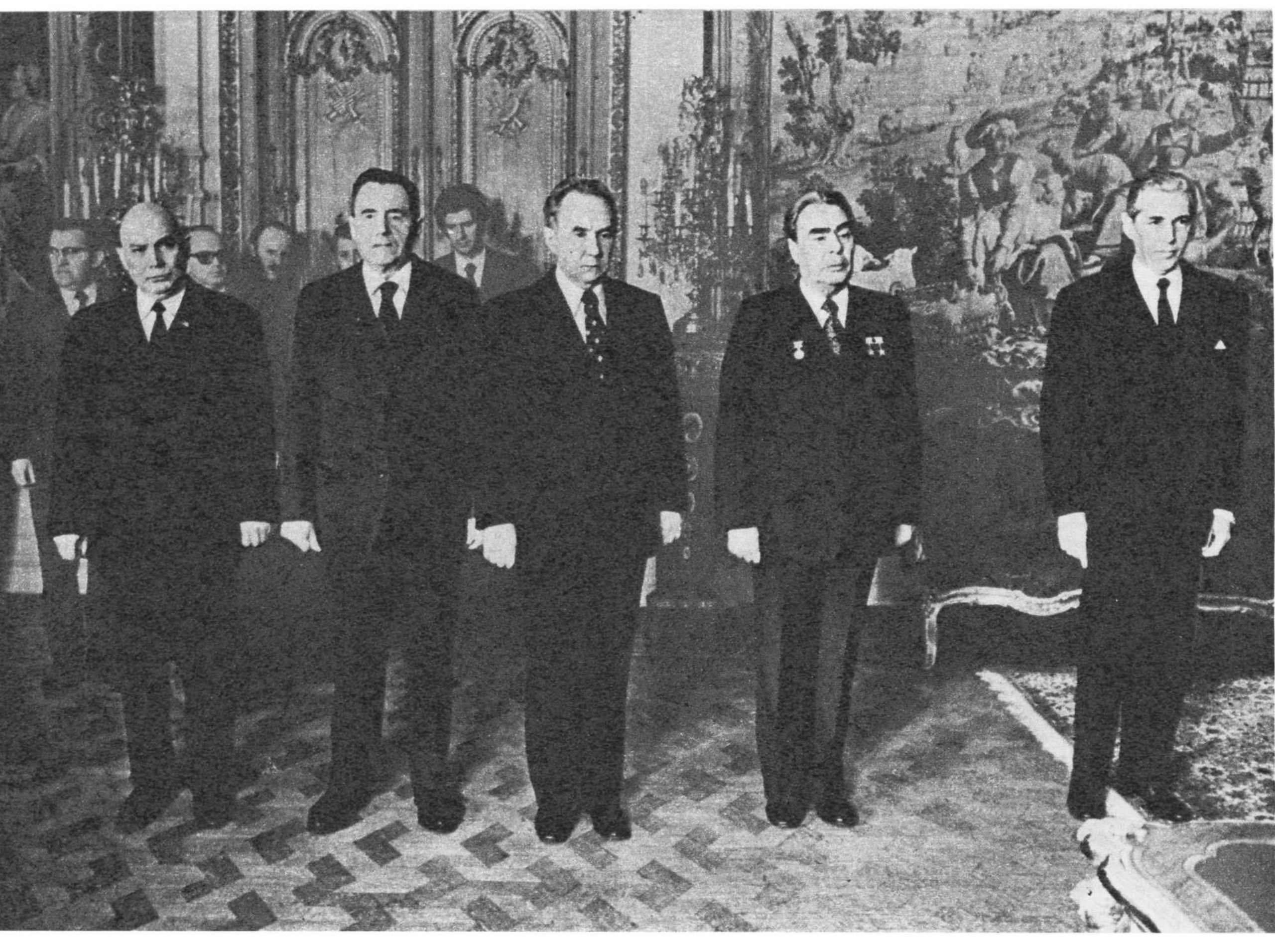
— Наша область, Калининская, одна из крупнейших в нечерноземной зоне,— рассказывает секретарь Калининского обкома КПСС М. А. Карасев.— У нас 3,8 миллиона гектаров сельскохозяйственных угодий. Большая их часть расположена в отрогах Валдайской возвышенности. Земли здесь заболоченные, множество камней и мелколесья. Работы по освоению этой целины мы ведем давно, только за последние годы осушено семьдесят тысяч гектаров болот, на 270 тысячах гектаров раскорчевали кустарник и провели вспашку, а 1 миллион 300 тысяч гектаров произвестковали. Цифры вроде бы внушительные. Но чтобы выполнить постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, мы должны увеличить размах работ в пять-шесть раз. И это будет сделано. Тем более что в области есть немало хозяйств, которые уже многого достигли. Побывайте хотя бы в колхозе «Мир», Торжокского района, сами в этом убедитесь.

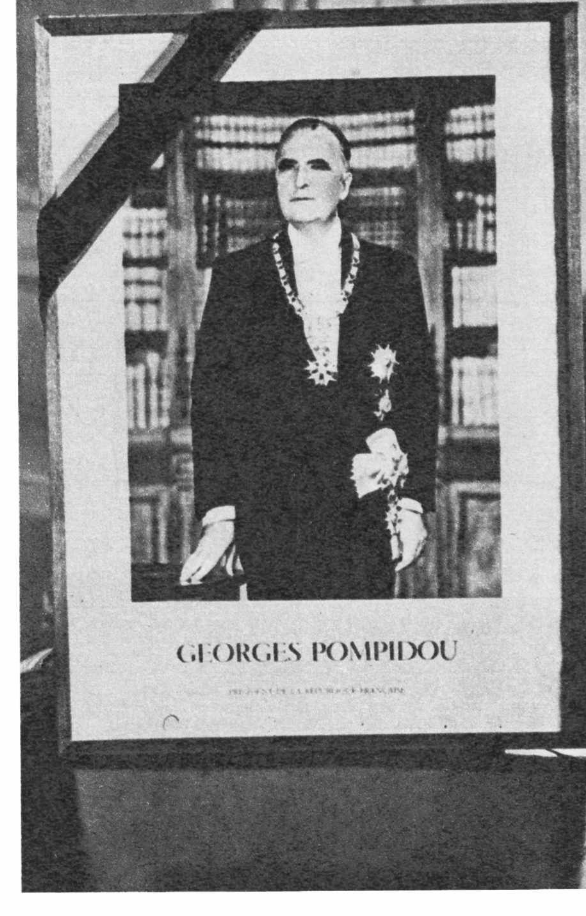
...Председателя колхоза «Мир» А. Б. Мезита мы разыскали в поле. Председатель стоял на вершине вала из коряг и сучьев и внимательно наблюдал за работой бульдозеров. Куда ни кинь взгляд,

Михаил Смирнов и Анатолий Лебедев — покорители целины Нечерноземья.

Сев идет!

Председатель колхоза «Мир» А. Б. Мезит рассказывает о новых землях, которые предстоит освоить.

Москва, 4 апреля 1974 года. Советские руководители в посольстве Французской Республики.

Фото В. Климова.

ПОСЕЩЕНИЕ СОВЕТСКИМИ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПОСОЛЬСТВА ФРАНЦИИ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.-М. Клычев посетили 4 апреля посольство Французской Республики в Москве в связи с кончиной выдающегося государственного деятеля Франции Президента Франции Жоржа Помпиду.

В главном зале посольства — портрет Жоржа Помпиду, обрамленный траурной лентой.

Минутой молчания советские руководители почтили память Жоржа Помпиду, который на посту Президента Франции выступал в пользу разрядки напряженности и развития сотрудничества между странами Востока и Запада. В своей деятельности он придавал серьезное значение дальнейшему расширению советско-французского сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях. Ж. Помпиду активно содействовал тому, чтобы политика согласия и сотрудничества СССР и Франции стала постоянным фактором международной жизни.

Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, А. А. Громыко и А.-М. Клычев от имени Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства и советского народа выразили глубокое соболезнование послу Франции в Советском Союзе Жаку Вимону и дипломатическому составу посольства в связи с кончиной Жоржа Помпиду.

Советские руководители расписались в траурной книге.

(ТАСС).

всюду канавы, похожие на траншеи, валуны, словно противотанковые надолбы, вывороченные пни и ребристые следы от гусениц, будто здесь прошел танковый полк.

— Ну, как вам наше поле боя?— улыбнулся Александр Борисович.— Это еще что, могло быть и хуже, если бы основные работы по корчевке мы не провели зимой. Конечно, людям да и тракторам было труднее, чем летом, зато удалось сохранить в целости плодородный слой почвы. А ведь ради этих двадцати сантиметров хорошей земли, собственно говоря, и затеяна вся битва. Двести пятьдесят гектаров целины мы уже освоили и теперь каждый год будем отвоевывать у лесов и болот еще по сто.

— А что вы на них сеете?

— Озимую рожь и многолетние травы. Вы не думайте, что достаточно раскорчевать мелколесье, сжечь сучья, вывезти камни, пни— и готово. И сей. Нет, года три это будет так называемая черная земля: мы ее превращаем в пастбища. Выгода, кстати, огромная: все коровы, а их у нас несколько тысяч, летом дают молоко, как говорится, с языка. А когда эту землю выходим, вынянчим, накормим, тогда-то она и даст по двадцать с лишним центнеров зерновых с гектара. Но для корчевки нужна особая техника, а мы работаем на обычных пахотных тракторах. Эх, нам хоть еще парочку таких, как этот С-100, тогда бы дело пошло веселее! И удобрений бы побольше,— начал он загибать пальцы.— И погрузчики нужны, и корчеватели, и болотные плуги, и тяжелые дисковые бороны. Здесь ведь не степная ковыльная целина, а лесная — что ни шаг, то корневища деревьев, камни, кусты. Надо бы инженерам создать для условий Нечерноземья, так сказать, усиленную технику.

Потом мы пошли в правление колхоза, и А. Б. Мезит познакомил нас с генеральным планом развития центральной усадьбы и других поселков.

— У нас раньше было семнадцать деревень, среди них совсем маленькие, на десяток дворов. Теперь будет четыре больших благоустроенных поселка, таких, как наш «Мирный». В поселках поднимутся кирпичные дома с квартирами, ничем не отличающимися от городских: паровое отопление, газ, горячая вода. В «Мирном», который, кстати, вырос на раскорчеванном участке, все это уже есть. У нас прекрасный Дом культуры, школа, интернат, детский сад, ясли, магазины. Видимо, поэтому мы не знаем проблемы кадров: молодежь, как правило, остается в колхозе. Лучшие из лучших получают колхозные стипендии, учатся в вузах и возвращаются в хозяйство. Сейчас у нас уже сорок шесть человек с высшим и средним специальным образованием.

Перспективы перед нами огромные,—заключил А. Б. Мезит,— теперь нам предстоит работать лучше и лучше, чтобы край наш стал еще богаче и краше.

СЪЕЗД КОМПОЗИТОРОВ СТРАНЫ

Богата духовная жизнь советских людей. И столь же щедра, многообразна музыкальная жизнь нашей страны. Об этом красноречиво свидетельствует работа Пятого съезда Союза композиторов СССР. Открывая его вступительным словом, Герой Социалистического Труда композитор Д. Д. Шостакович сказал: «Связь с народом, с временем, в котором живешь,— основа основ творчества каждого истинного художника».

Многие делегаты приняли участие в обсуждении отчетного доклада первого секретаря правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренникова; в их выступлениях были затронуты важнейшие проблемы советской музыки.

На заключительном заседании съезда подведены итоги выборов нового состава правления Союза композиторов СССР и Центральной ревизионной комиссии союза.

С большим воодушевлением участники съезда приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. Вместе со всем советским народом, говорится в этом документе, мы, деятели искусства, музыканты, полностью одобряем и поддерживаем политический курс и практическую деятельность Центрального Комитета КПСС, внутреннюю и внешнюю политику партии.

8 апреля состоялся первый пленум нового состава правления, избравший первым секретарем правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренникова.

Пятый съезд композиторов СССР закончил свою работу.

На снимках композиторы, делегаты V съезда: вверху — А. Хачатурян, З. Исмагилов, Д. Шостакович, Х. Ахметов, Д. Кабалевский; внизу — Е. Рахмадиев, Т. Хренников, Н. Жиганов, А. Штогаренко.

Фото В. САВОСТЬЯНОВА, В. МАСТЮКОВА (ТАСС) и А. РУБАШКИНА.

К 30-ЛЕТИЮ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Широка и многообразна программа Дней польской культуры в СССР, торжественное открытие которых состоялось 2 апреля в Кремлевском Дворце съездов. По-братски встретили москвичи посланцев народа Польши — партийно-правительственную делегацию ПНР во главе с членом Политбюро ЦК ПОРП, заместителем Председателя Совета Министров ПНР, министром культуры и искусства ПНР Ю. Тейхмой, а также посла ПНР в СССР З. Новака. На открытии Дней польской культуры присутствовали товарищи К. Т. Мазуров, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев. Польских гостей приветствовала министр культуры СССР Е. А. Фурцева.

В программе дней, которые посвящаются 30-летию Польской Народной Республики,— декада польской книги и музыкальной литературы, показ драматических и музыкальных спектаклей, демонстрация лучших кинокартин, встречи с композиторами, деятелями театра, кино, писателями и художниками братской страны. С культурой и искусством Польши получили возможность познакомиться жители многих республик и крупнейших городов Советского Союза.

На снимках: слева — министр культуры СССР Е. А. Фурцева и заместитель министра культуры и искусства ПНР Т. Качмарек на открытии экспозиции «Шедевры польской живописи XIX — начала XX века» в Центральном выставочном зале Москвы. Справа — москвичи знакомятся с работами польских мастеров.

Фото М. САВИНА.

В ХЕЛЬСИНКИ НА ЧЕМПИОНАТЕ

Сейчас в Хельсинки довольно много разговоров о возрождении «большой четверки». В нее вместе с командами Советского Союза, Швеции и Чехословакии стремится войти сборная Финляндии. Команды перечислены в порядке занятых мест на чемпионате мира 1973 года в Москве. А как они распределятся в этот раз? За несколько дней до начала нынешнего чемпионата шансы соперников попытались определить с помощью счетно-электронной машины. Предпочтение она отдала сборной Швеции. И, видимо, этот результат настолько озадачил саму машину, что ею тут же было выдано уточнение: «Прошу считать ответ первоапрельской шуткой». Но уже исход первых матчей настроил всех отнюдь не на шутливый лад.

Наши коллеги — журналисты из ГДР передали в свои редакции отчеты, в которых писали, что результат в матче со сборной СССР для немецких хоккеистов весьма почетный, что это один из лучших результатов за всю историю встречи двух команд. А вот своей победой над польской сборной, у которой они выиграли 8 : 0, чехословацкие хоккеисты остались недовольны. Их значительно больше устроил счет 3 : 2. Правда, эта победа была одержана над одной из сильнейших сборных мира — шведской.

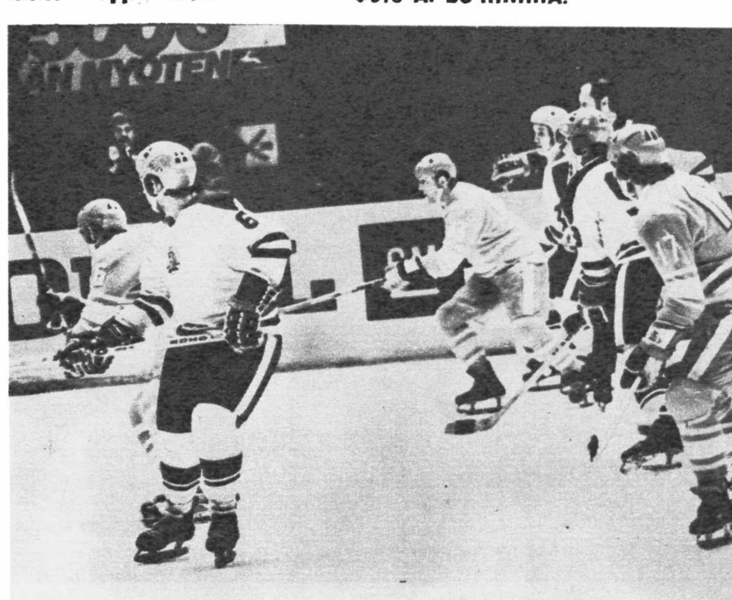
Вот какой, оказывается, может быть статистика!

Цифры, цифры! Машины, тренеры, журналисты — все ведут свои подсчеты. Ведут их и хозяева «Яаахалли» — дворца спорта. Их тревожат пустые места на трибунах. Билет стоит очень дорого, до 50 марок. Растут цены на мировом рынке и на... хоккеистов. Иначе чем можно объяснить визит из-за океана группы менеджеров и наблюдателей, представляющих лучшие профессиональные клубы Канады и США. В Хельсинки они прибыли не просто посмотреть на игры лучших команд, но и завербовать в ряды профессионалов наиболее интересных хоккеистов сборных Швеции и Финляндии. Видимо, не меньше десяти шведских игроков, выступающих сегодня на чемпионате, попадут в ряды профессионалов.

А. ДОБРОВ

Хельсинки, по телефону

СССР — ГДР — 5 : 0. Фото А. БОЧИНИНА.

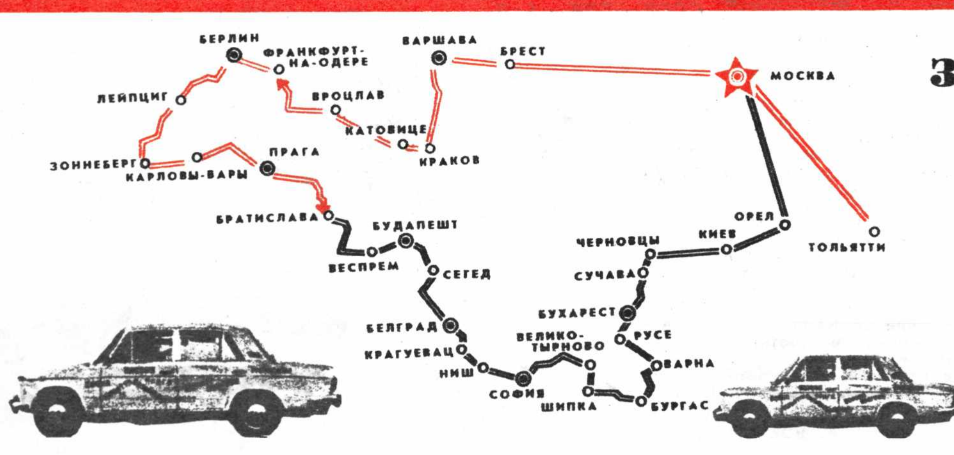

Н. ЦВЕТКОВА,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Ю. КРИВОНОСОВ,
Ю. ЛУШИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

К ДРУЗЬЯМ НА «ЖИГУЛЯХ»

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14, 15.

Есть у всех шоферов мира неписаное правило: увидел на дороге автоинспекцию — предупреди встречного водителя. Для этого надо просто поморгать фарами — сигнал, понятный каждому автомобилисту. Нужно сказать, что автоинспекторы прекрасно осведомлены о сем международном «заговоре», но никакой борьбы с ним не ведут. У них своя логика: посты выставляются в местах, где движение сложное, и если водитель проедет этот участок внимательно, то цель достигнута.

Нам «моргнули» фарами еще в Зоннеберге: напутствуя нас в дорогу, друзья предупредили о строгости и даже беспощадности чехословацкой милиции.

Можем заявить положа руку на сердце, что по пути в Прагу мы были предельно корректны в отношениях со скоростью и дорожными знаками. «Помогло» то, что всю дорогу стоял густой туман. Осевой линии вообще не было видно.

К счастью, видимость вскоре улучшилась, и мы почти без опоздания въехали в Прагу.

Начинался новый день. В большинстве домов будильники уже прозвонили или как раз трезвонили. Из парков один за другим выезжали трамваи. Десятки электричек приближались к городу. На фабриках и заводах включали станки. Только что энергетики предприятий всей республики приняли по радио сообщение: «На сегодня объявляется загруженность номер семь...»

С этого сообщения мы и начнем репортаж, написанный в Праге, в доме 29 по улице Юнгманова... Сюда мы пришли вслед за корреспондентом чехословацкого журнала «Кветы» Павлом Хоботски. Он вышел из лифта на четвертом этаже, а мы поднялись на пятый...

РЕПОРТАЖ ВЕДУТ «КВЕТЫ»

květy

Павел ХОБОТСКИ:

ЗАГРУЖЕННОСТЬ НОМЕР СЕМЬ

В просторном помещении двое людей в белых халатах. Это диспетчеры. Они внимательно следят за приборами, то и дело поднимают телефонные трубки и принимают рапорты или отдают распоряжения. Каждое слово записывается на магнитофон. Часы громко отбивают секунду за секундой. В любой момент от этих людей может потребоваться молниеносное решение. Я веду репортаж с центрального диспетчерского пункта чехословацкой энергетической системы.

Загруженность номер семь, о которой сейчас сообщило радио всем заводам и фабрикам страны, означает, что потребители могут нормально расходовать электроэнергию, но должны быть готовы к тому, что положение может ухудшиться, и тогда будет объявлена другая степень загруженности.

— Сегодня,— говорит главный диспетчер Антонин Ержабек,— день трудный.— Он объясняет, почему: — С электростанции Почерады сообщили, что она недодаст 200 мегаватт, а Вояны — 300. Из Ледвице передают, что им необходим ремонт на двух блоках, и вслед за тем пришло сообщение с Тушимице-1, что и у них выключается один блок. Как раз когда потребление энергии в утренний час «пик» резко поднимается, не хватит ни много ни мало тысячи мегаватт!

Мгновенно мобилизуются все энергоисточники из так называемого диспетчерского резерва. Это дает около 450 мегаватт. Но угроза нехватки электроэнергии не ликвидирована.

Главный диспетчер объявляет степень загруженности 10, 11, 12 и обращается к своему коллеге в Международную объединенную энергосистему стран — членов СЭВ с просьбой о помощи. Ответ приходит мгновенно: Польша, ГДР и СССР могут немедленно дать 1 500 мегаватт вместо восьмисот, предусмотренных соглашением.

Благодаря быстрой помощи энергосистемы СЭВ не придется отключать некоторых потребителей. Большинство людей и не подозревали да и не должны были подозревать, что было сделано, чтобы они вовремя доехали на работу, чтобы заработали их станки, чтобы они могли включить лампу над чертежной доской или сварить кофе.

РЕПОРТАЖ ПРОДОЛЖАЕТ «ОГОНЕК»

АЛЛО, НА ПРОВОДЕ «МИР»!

— Алло, Варшава? Да, да. Тшечак у телефона. Сколько у вас в резерве? Маловато!.. Ну хорошо, давай триста!

Красный огонек на панели гаснет и тотчас загорается снова.

— Берлин, что у вас? Так, записываю... А какой вечерний баланс? Ясно! Польша имеет в резерве триста, у болгар дефицит — сто. Как у других?

Мы находимся на командном пункте Центрального диспетчерского управления объединенных энергетических систем «Мир». В него входят семь стран — участниц СЭВ: Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Советский Союз и Чехословакия. У пульта дежурят сейчас двое — польский инженер Стефан Тшечак и Лайош Чаба из Венгрии. Вместе с нами за работой пульта наблюдает главный специалист ЦДУ от нашей страны Сергей Гаврилович Нагорнов.

На нефтехимическом комбинате «Словнафт».

Анна Шишовичова — будущий химик.

— Видите эту карту на стене? Здесь показаны все линии электропередач энергосистемы «Мир», по ним идет обмен электроэнергией между странами,— объясняет Сергей Гаврилович.— Линии электропередач пересекают границы и через ближайшие подстанции соединяются между собой, чтобы вести взаимный обмен электроэнергией.

...Ну, как там дела у соседей? Два инженера — поляк и венгр — не спускают глаз с приборов. Нажата кнопка на пульте, и в трубке слышится голос главного диспетчера Бухареста. «Мир» просит снизить потребление электроэнергии, потому что в международной сети положение сейчас несколько ухудшилось. И снова телефонный звонок. Короткая команда. Нам передается острота этих минут, а двое у командного пульта сосредоточенно спокойны. Или они только кажутся спокойными? Правда, люди это многоопытные. Тшечак, например, диспетчером уже 15 лет, сначала в Варшаве, а последние четыре года здесь, в Праге.

...Конец этого репортажа мы дописываем в так называемом малом зале. Это рабочий кабинет интернационального руководящего органа ЦДУ. Его возглавляет сейчас представитель Болгарии Стефан Мишев, заместитель — Тибор Пинтер из Венгрии. Каждую страну представляет главный специалист от группы работающих инженеров. Здесь, вот за этим столом, обсуждаются задачи не только оперативного управления энергосистемой, но и общие хозяйственные, технические и финансовые вопросы.

— Кстати, каким образом осуществляется расчет между странами? — поинтересовались мы у С. Г. Нагорнова.

— «Мир», как известно, существует с 1963 года на основе межправительственного соглашения о создании этой организации. Ежегодно страны заключают между собой двусторонние соглашения, в которых они определяют свои потребности в электроэнергии и способы ее оплаты. Например, Румыния, поставляя электроэнергию в Чехословакию, получает взамен электрооборудование, турбины. Остальные страны также договариваются о поставках товаров, которые им нужны.

— И последний вопрос: какие задачи стоят перед нашими энергетиками в связи с осуществлением Комплексной программы?

— Сегодня вечером я еду в Москву на совещание, которое как раз касается этих проблем. Сейчас мы подключены к «Миру» через международную подстанцию Мукачево, созданную совместно всеми странами-участницами. И своими запасами энергии делится не вся наша страна, а только Львовская и Молдавская энергосистемы. Теперь предстоит объединить «Мир» с Единой энергосистемой Советского Союза. Это сделает нашу общую электрическую реку значительно полноводнее.

...Поляк и румын, венгр и русский, чех и болгарин, словак и немец. Круглые сутки, сменяя друг друга, направляют они из страны в страну эту невидимую реку-труженицу, и она несет людям энергию, свет, тепло. Завтра в этой комнате ровно в девять утра, как и всегда, будет проходить очередная международная оперативная «летучка». «Мир» отчитается за прожитые сутки и доложит о готовности начать новый рабочий день.

Юрий КРИВОНОСОВ:

ЗДРАВСТВУЙ, ШТЕФАН!

Они всегда рядом, эти слова: Мир, Братство, Дружба. Вот так же рядом тянутся через лобастые курчавые Карпаты три энергетические нитки — линия электропередач энергосистемы «Мир», газопровод «Братство» и нефтепровод «Дружба». Нефть с берегов Волги приходит и на комбинат «Словнафт» в Братиславе. Два года назад я побывал здесь. И вот новая встреча. Здороваюсь с секретарем партийного комитета комбината, своим старым знакомым — Штефаном Бартаком. Именно он водил меня два года назад по комбинату. Штефан отлично говорит по-русски — он учился в Советском Союзе.

— А мы ведь все, что тогда обещали, выполнили! Пустили комплекс ароматических углеводородов, большую установку полипропилена и многое другое. Сейчас уже начали строить петрохимический комплекс для производства полимеров. Принято решение и о третьем этапе развития предприятия.

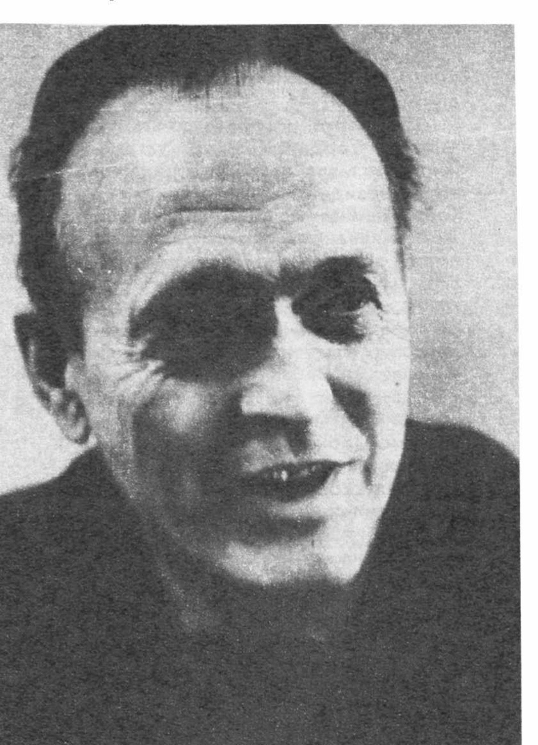
— Ну вам, как говорится, сам бог велел. «Словнафт» первым в стране нефть получает, можно сказать, снимаете сливки...

— Э, да вы отстали!— парирует Бартак.— Опередили нас — возле самой границы подключился к «Дружбе» новый нефтеперерабатывающий завод Бутковице — Вояны. Он уже дает мазут для ТЭЦ — энергетического центра на востоке Словакии. А в будущей пятилетке даст пропан, бутан и другую продукцию.

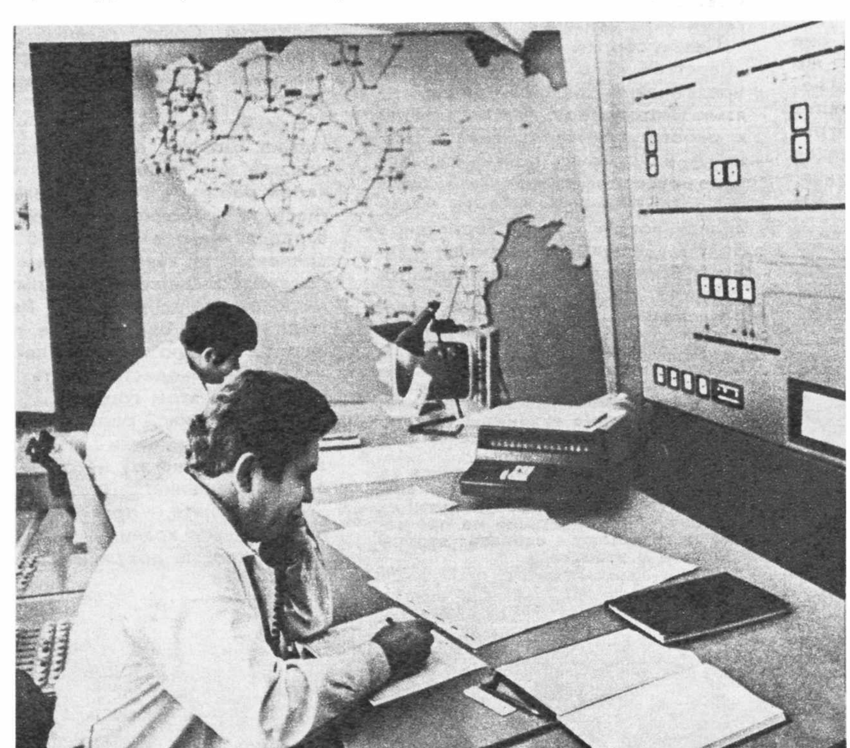
— Значит, у вас «конкурент» будет?

— Ну, до этого, я думаю, дело не дойдет, мы ведь тоже на месте стоять не будем. Тем более, что поставщик нефти у нас такой надежный: сейчас, когда капиталистический мир переживает энергетический кризис, мы не испытываем ни малейшего перебоя с топливом или электроэнергией. И это лучшая политическая аргументация в споре с теми, кто пытается опорочить наш социалистиче-

Юрай Ричани.

Пульт ЦДУ «Мир»: «Тшечак слушает!»

Обувь для «Жигулей».

ский строй, принизить действенность Комплексной программы социалистической экономической интеграции.

В партком зашел заместитель директора по экономическим вопросам инженер Ондрей Хохол и тут же включился в беседу.

— В рамках интеграции,— сказал он,— мы имеем тесные контакты со многими предприятиями Советского Союза и других братских стран. Назову «Лёйна верке» и «Шведт» в ГДР, нефтехимический комбинат имени Ленина в Бургасе, в городе Плоцк в Польше, завод в Сасхаломбате в Венгрии. Успешно выполняются постоянные соглашения в области технической кооперации, обмениваемся опытом, совместно решаем, где какое производство выгоднее развивать. Ведь советская нефть питает не только нашу энергетику, но и химию, легкую промышленность и много других важных отраслей экономики Чехословакии, в которых заняты тысячи людей. А плоды их труда хорошо знакомы советским потребителям, ведь так?

На этот вопрос отвечает следующая глава нашего репортажа.

Новелла ЦВЕТКОВА:

КАК ДЕЛАЕТСЯ МИЛЛИОН?

К миллиону вела дорога Е-15. Редакция журнала «Кветы» в эту поездку отправила с нами молодого сотрудника Иржи Чарны, который совсем недавно работал в популярном у автолюбителей журнале «Свет мотору». Это определило тематику дорожных разговоров, из которых мы почерпнули немало полезного. Например, знаете ли вы, что такое «психологический автомобиль»? Признаться, мы тоже не знали, пока не услышали рассказ Иржи. Вместе с психологом, который изучал реакцию и поведение водителя за рулем, журналист провел как-то полдня в одном из «психологических автомобилей». Это обычная машина, оборудованная приборами, с помощью которых можно контролировать ту или иную реакцию водителя. Во время обычной поездки по городу стрелка прибора, регистрирующего пульс, показывала 70 ударов. Резкое торможение — и она скакнула к цифре сто. Когда же машину нарочно развернули в недозволенном месте, то стрелка снова метнулась к сотне. Фотографическая лента, фиксирующая количество включений сцепления, тормоза, передач показала отклонение от нормы, неуверенность и страх.

Вывод врачей — такие «прыжки» приближают водителей к инфаркту.

Мы подъезжали к городу Градец-Кралове, когда произошла эта встреча на мосту: рядом с нами вытянулся железнодорожный состав, на платформах которого стояли рядами новенькие «Жигули»...

Как знать, может, на одной из этих машин вернулась «домой», в Чехословакию, та самая миллионная фара, которую рабочие завода «Автопал» однажды отправили с почестями в Москву? Нас интересовал именно этот миллион, и потому мы держим путь в город Новый Йичин. Отсюда родом фары, которые стоят и на нашей машине. И вообще на большинстве «Жигулей».

Как утверждает наш коллега из журнала «Кветы», фары, сделанные на «Автопале», освещают дороги многих стран. Они стоят на известных всему миру чехословацких машинах, мотоциклах, тракторах.

...Заместитель директора «Автопала» Яромир Данес понял нас с полуслова:

— Вы насчет миллиона? Отлично! Как раз в эти дни в Тольятти находится делегация нашего завода во главе с директором. Они поехали договориться о новых поставках и заодно отметить миллионную фару!

У инженера «Автопала» Вацлава Новотного сразу же нашлось много вопросов к водителю нашей машины, инженеру с Волжского автозавода Геннадию Клячину, который тут же загорелся спором, как всегда, едва речь заходила о работе его отдела. Они выясняли что-то насчет «испытаний герметичностью», толковали и о многом другом, что было важно очень для них обоих. Я потихоньку наблюдала за Геннадием: как легко и просто он чувствует себя здесь, будто знал прежде и завод и своего собеседника.

По пути в цех говорю ему об этом.

— Здесь я впервые,— отвечает он,— но ведь мы уже несколько лет вместе работаем изо дня в день и знаем друг друга досконально.

Завод «Автопал» выглядит внушительно. Здесь работают почти три тысячи человек. Но предприятие растет, ему становится все теснее в старых цехах. Уже прошел один этап реконструкции, на которую подтолкнули заказы из Советского Союза, Польши, Болгарии и Югославии.

Цех сборки фар — женское «царство». Его населяет народ чрезвычайно боевой и острый на язык. Фотокамера, приготовленная к работе, тут же вызвала смятение — из сумочек появились зеркала, расчески, губная помада. И вот уже готовые к съемке столпились вокруг своего бригадира Кристы Эрловой работницы лучшей бригады социалистического труда.

Несколько лет этот коллектив дружит с бригадой Ленинградского карбюраторного завода. Нам показали уголок дружбы, где собраны почетные дипломы, полученные бригадой Кристы Эрловой, и ленинградские сувениры. Теперь к ним прибавились подарки из Тольятти.

— Передайте тем, кто садится за руль «Жигулей»: наши фары всегда будут ярко светить в пути! — говорят «миллионерши» на прощание и обещают сделать второй миллион в этом году.

...Выходим с завода и вдруг слышим русскую речь! Двое солидного вида мужчин, переговариваясь между собой, идут нам навстречу.

— Вы откуда, товарищи?

— Из города Калач. Может, слыхали, есть такой в Волгоградской области. А вы кто такие?

— Мы из «Огонька».

— А я с Волжского автозавода...

— Давайте знакомиться. Банников Владимир Ильич, работник райкома партии.

— Невмержицкий Илья Михайлович с Волго-Донского канала имени Ленина...

Оказалось, что оба они — члены делегации из Калача, города-побратима Нового Йичина.

Мимолетная встреча, далеко не первая на нашем пути. Еще одна строчка в блокноте... «Побратимы» — какой глубокий смысл у этого слова! А корень его и суть одни — братство. Люди — братья. Заводы — братья. Страны — братья.

В ГОСТЯХ У ТАТРОВЧАН

Копршивнице — небольшой моравский городок — находится всего в получасе езды от Нового Йичина.

Дорога идет по живописным местам. Куда ни глянешь, вокруг волнистая линия горизонта. Бескидские горы. Чем ближе Копршивнице, тем чаще встречаются новенькие «татры» — голубого, оранжевого и зеленого цветов. Это новорожденные. Они всего лишь несколько часов назад покинули заводские цехи.

Грузовик, который здесь называют «копршивницкая стосорокавосьмерка», вызвал большой интерес. В чем причина такой популярности?

Решением Постоянной комиссии СЭВа по машиностроению с мая 1971 года Чехословакия стала «специализированным производителем автомобиля грузоподъемностью в 12 тонн и больше». Этот работяга-грузовик должен принимать участие во всех стройках, которые ведут социалистические страны, быстро и дешево перевозить стальные конструкции. А чтобы чехословацкое предприятие Татра-Копршивнице справилось с такой важной задачей, Международный инвестиционный банк в Москве предоставил ему крупный кредит — на 77,5 миллиона переводных рублей.

Сегодня «копршивницкую стосорокавосьмерку» можно встретить в 52 государствах, но чаще всего на дорогах нашей страны. Советский Союз, главный покупатель этой машины, импортировал уже 15 тысяч таких грузовиков.

Судьба одного из них удивительна. Долгий путь проехал он, прежде чем добрался до места своей работы в городе Магадане. Мастера, рабочие, конструкторы, отправляя его в сибирскую даль, волновались: как-то он там себя покажет? Выдержит ли испытание морозом, бездорожьем? Выдержал! И люди, благодарные грузовику за верную помощь, поставили его на пьедестал. Есть такой памятник в этом городе!

...Иржи Нечас, редактор заводской многотиражки «Татровка», знает не только эту историю, но и ее продолжение.

— Взгляните,— протягивает он письма,— мы храним их на заводе как ценные документы.

Письмо первое.

«Директору национального предприятия «Татра».

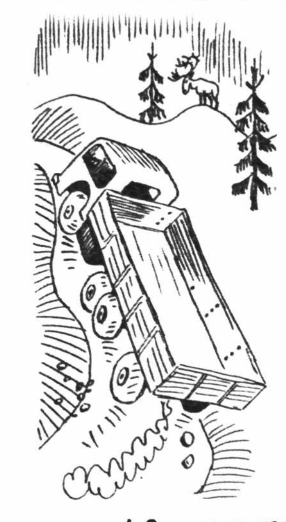
Уважаемый Мирослав Копец! Надеемся, вы благополучно долетели домой? После вашего отъезда на душе осталась грусть. Неделя, проведенная с вами вместе, была для нас большим праздником. Теперь вы имеете представление о нашей жизни, о работе Берелёхской автобазы и, главное, о работе нашего с вами большого друга — грузовика «татра».

24 июля мы открыли пионерлагерь для детей рабочих нашей автобазы и назвали его «Дружба» в память о вашем приезде. От имени вашего предприятия я подарил ребятам шапочки с надписью «Татра». Сердечный привет всему коллективу и вашей семье. Директор Берелёхской автобазы Печенко Ф. И.

Магаданская область».

Письмо второе.

«Дорогие друзья! Прошло всего несколько недель после нашего возвращения в Копршивнице... Мы рассказали своему коллективу о путешествии на Дальний Восток, поделились впечатлениями о встрече с вами. Было приятно узнать, что вы оцениваете наш труд так высоко. Пусть «татры» и впредь будут вашими помощниками в выполнении великих задач. Все замечания и пожелания мы передали нашим конструкторам и техникам. Они непременно будут учтены...

Желаем успеха! От имени коллектива Мирослав Копец, Франтишек Яношец, Вацлав Лебеда».

Вряд ли моравский город Копршивнице мог предвидеть, что породнится с далеким Магаданом. Как же изменилось все вокруг, если теперь это стало делом самым обычным! Чехи, словаки садятся в самолет, летят за тысячи километров от дома, чтобы узнать, как идут дела на дальневосточной автобазе, где прижились, получили постоянную прописку автомобили, сработанные в Чехословакии. Это и есть примета нашего времени!

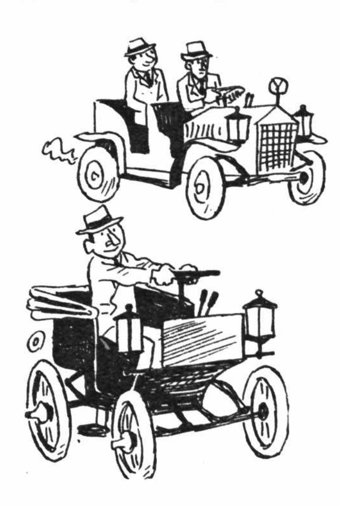
Мы искали встречи с татровчанами самых разных профессий и возрастов, чтобы узнать поближе побратимов Магадана. А их ни много ни мало — почти шестнадцать тысяч!

...Патриарха, которого почитают, которым гордится каждый татровчанин от мала до велика, величают «президент». Он родился в Копршивнице в 1897 году. Этот моторизованный фаэтон типа «милорд» сейчас находится в пражском музее. Зато первого его потомка, появившегося спустя четыре года и названного «вице-президентом», мы увидели собственными глазами. Забавный и трогательный, он стоит на своих высоких, словно снятых с кареты колесах на самом почетном месте в музее автозавода «Татра». Когда-то он покорял своей мощью — 12 лошадиных сил и «сумасшедшей» скоростью — 45 километров в час!

— Вы не думайте, что он уже

ни на что не способен,— заметив наши улыбки, заступился за «старика» молодой инженер и директор этого необычного музея Иржи Розенкранц.— В 1967 году, когда отмечалась 70-я годовщина выпуска первого автомобиля, «вицепрезидент» участвовал в автопробеге «ветеранов» Вена — Копршивнице и показал себя преотлично!

Здесь собраны представители

многих поколений легковых автомобилей, которые прославили марку завода во всем мире. Среди них была знаменитая «татра-11». В 1925 году на этой машине был завоеван кубок Всесоюзного автопробега Ленинград — Тифлис — Москва прославленным татровчанином — Йозефом Вержмержовским.

Здесь, в музее, мы увидели истоки «фамильной» страсти татровчан к автомобилю и поняли, почему сегодня автомобиль в Чехословакии можно назвать национальным хобби.

...Элегантная ярно-красная легковая машина мчится по виражам заводского автодрома. За рулем новой марки «татра-618» — заслуженный мастер спорта, многократный победитель в международных ралли Алоиз Марк. Прикрыв от солнца глаза, едва успеваем считать повороты, как вдруг машина замирает прямо перед нами.

Смуглый, темноволосый водитель неторопливо снимает темные очки. На открытом красивом лице добрая, чуть-чуть ироническая улыбка.

— Ну как, есть желающие прокатиться?

Не думая о последствиях, легкомысленно садимся в машину и пристегиваемся ремнями. «Татра-618» рванулась с места. На спидометре 100... 130... 145.... Сердце поднимается куда-то к горлу. Неужели не будет конца этим поворотам? 160 километров, 180... Уши закладывает, как в самолете... Скорее, скорее бы остановиться!

После такой сумасшедшей гонки первые строчки интервью в блокноте написаны словно не моим, а чужим почерком.

— Сколько времени в день вам приходится так крутиться?

— У меня рабочая смена, как у всех, восемь часов.

— И сколько же вы проезжаете за день?

— До двух тысяч примерно.

— Давно работаете испытателем?

— Двадцать лет и шесть месяцев! Жизнь свою без завода просто не представляю,— говорит он.— Рождение каждой новой машины — это и мой личный праздник.

— А как вы относитесь к «Жигулям»?

— Давайте сначала проедемся вместе на вашей машине.

И снова стремительная гонка по кругу. В чутких руках Алоиза Марка машина послушно преодолевает сложные повороты и виражи.

— Вести «Жигули» приятно. Машина легкая и приемистая. Мой сосед недавно приобрел ее, так что мне предстоит теперь «обкатка».

Положив блокнот на крыло машины, он написал на прощание: «Самый сердечный привет читателям журнала «Огонек» и пожелания больших успехов в строительстве социализма и мира. Алоиз Марк».

...Еще несколько штрихов к портрету татровчан.

Техники-испытатели Иржи Клосс («Вы, конечно, представляете, что мне нет проходу из-за польского фильма!») и Людек Ржидек — почти одногодки, им по сорок. Полжизни отдано заводу.

Клосс: «Тут мой дед отработал сорок шесть лет да отец — сорок четыре годика! Потому я и называю завод своим!»

Ржидек: «Завод вывел меня в люди, дал профессию техника-водителя и научил понимать главное — для чего я работаю!»

— У нас «красивая» жизнь,— говорят эти двое из цеха испытаний машин.— Целыми неделями, а то и месяцами, в холод и жару, по шоссе и бездорожью водим тяжеловесные грузовики «татра».

Клосс и Ржидек не раз бывали в нашей стране. Им отлично знаком Московский завод имени Лихачева, испытательный полигон НАМИ. Колесили на своих грузовиках по Украине. А теперь им предстоит, пожалуй, самое дальнее путешествие. Клосс едет на главные испытания новой «морозоустойчивой» машины в Тюмень, а его друг — в Магадан на Берелёхскую автобазу.

Их мысли и думы связаны сейчас только с ней, «татрой-148 С». «С» — значит северное исполнение этого тяжелого грузовика-вездехода.

— Мы получили задание сделать такую машину, которая работала бы при температуре минус 55.

— Что ее отличает от обычного варианта?

— Предусмотрен предпусковой подогрев двигателя, утеплена кабина — в ней, как в домах, двойные стекла. Наконец, чтобы не примораживало грунт, мы сделали подогрев кузова. «Обут» этот грузовик в особо прочную резину... Словом, к испытаниям готовы. Очень хочется, чтобы северяне остались довольны!

Юрий ЛУШИН:

ЧЕРНАЯ КАРУСЕЛЬ

Из Копршивнице через Татранские горы мы пробивались в Словакию. Шел снег, сосны стояли в пушистом белом уборе. Горные серпантины обледенели, и машины всевозможных марок выстроились в длинные колонны, которые тащились с черепашьей скоростью. Сплошная черная карусель колес. Она снова возникла перед нами уже на равнине, когда мы вошли в заводские корпуса шинного завода имени 1 Мая в городе Пухове. Здесь происходит «стыковка» обоих наших экипажей с коллегами из журнала «Życie» — заместителем главного редактора Миланом Пиоварчи, фотокорреспондентом Антоном Краловичем.

Восемь тысяч покрышек и столько же камер в сутки дает завод. Кроме того, выпускается 800 тысяч квадратных метров транспортерной ленты в год. Четвертая часть ее экспортируется в Советский Союз. Мы смотрели, как на шинах появляется таинственная клинопись, и узнавали от специалистов, что рисунок для асфальтовой дороги должен быть иным, чем для грунтовой, снежной, каменистой и т. д. Законы физики и химии становились то союзниками, то противниками шин, и судья в этом споре только один — практика.

Уже при выходе из цеха к нам подошел старый рабочий и по-русски спросил:

— Как вам понравился наш завод? Хороши ли шины для «Жигулей»?

— Где вы научились русскому? — поинтересовались мы.

— Наш завод давно дружит с тульскими рабочими, и я был там недавно в составе партийной делегации Среднесловацкой области. Что же касается русского языка, то это длинная история.

И Юрай Ричани начал свой рассказ:

— У Максима Горького, помните, есть повесть о том, как он работал в пекарне. Я прочел ее только недавно, и мне показалось, что она написана о моей юности. Меня тоже отдали в люди (в Словакии 30-х годов это было обычным делом) учиться на пекаря. Не потому, что мне очень хотелось им стать, а потому, что в пекарне было место и хозяин к тому же давал одежду, чего моя мать сделать не могла. Мы жили в селе Подкилава, где родился я, еще четверо братьев и сестра. Земли было мало, прокормить она нас не могла, отец уходил батрачить, чтобы както свести концы с концами. В селе лучше всех жил человек, у которого, редкое дело, имелась пара лошадей. Он считался богачом. Представляете, как жили остальные. Скудные урожаи и безработица гнали словаков на поиски счастья в Бельгию, Канаду, Америку, Австралию... Только какое же счастье без родины?

— Что же было дальше?

— Стал пекарем. Скитался по Словакии в поисках работы. Потом война, оккупация. На уроках истории нам рассказывали о рабовладельческом строе, а тут я сам оказался в рабстве. Начали мы готовиться к вооруженному восстанию. Я тогда на мебельной фабрике работал в городе Мартине. В конце августа 1944 года выступили и пошли колоннами через горы на Банску-Бистрицу. Около Жарнад-Гроном вступили в первый бой с фашистами. На нас шли «тигры» и «фердинанды», и совсем туго пришлось бы, если бы не советские десанты с воздуха. Я был тяжело ранен, и с 13 ранами, почти в безнадежном состоянии меня отправили самолетом во львовский госпиталь. Все-таки я выжил. Русская женщина-врач дала мне свою кровь. Там, во Львове, я начал говорить по-русски. Потом госпиталь вслед за линией фронта двинулся на запад. В одном польском городке его решили расформировать. Комиссия врачей вызывала раненых по списку и распределяла по другим эшелонам. Вызвали меня.

— Постойте, какой Ричани? — вдруг раздался знакомый голос, и я увидел ту женщину — врача из Львова. Она обняла меня, как мать, и я плакал, не стесняясь слез.

— Ваш сын нашелся? — спрашивали ее.

— Нет, это словацкий партизан. Я так рада, что он жив.

Ту встречу мне никогда не забыть. Много лет спустя я специально поехал во Львов, чтобы найти свою спасительницу, но не смог — ведь я не запомнил даже ее фамилию.

Наши репортажи завершают словацкие журналисты.

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ ЖУРНАЛ «ЖИВОТ»

Иван САБО:

КОЛЫБЕЛЬ КОРАБЛЕЙ

На словацкой верфи в Комарно моим гидом был Ондрей Келемен, который трудится здесь почти четверть века. Сначала Ондрей привел меня в чертежную, где начинается путь любого корабля. Здесь в паутине линий рождаются детали будущего судна.

— По существу, это готовый корабль в сечении,— объяснили мне.

— Что это значит? — не понял я.

— Это значит, что корабль рассечен на отдельные секции, как если бы кто-нибудь провел по нему бритвой.

Пассажирское судно ОЛ-400 «легло» на пол чертежной весной прошлого года. Над ним работали проектировщики Ладислав Галас, Александр Фонод и Винцент Горват. ОЛ-400 строится по заказу Советского Союза.

Это будет самое большое речное судно длиной 135 и шириной 18 метров. На трех его палубах с комфортом разместятся 380 человек. Каюты двух- и трехместные, с умывальником, душем, кондиционированным воздухом. Все «шумное» оборудование будет установлено на пружинных амортизаторах, чтобы обеспечить тишину.

— Сколько человек занято на строительстве одного судна? — спрашиваю я и в ответ вижу снисходительные улыбки.

— Трудно сосчитать — сотни рук, от проектировщиков до капитана, который испытывает корабль на Дунае. Будет справедливо, если напишете, что в сооружении пассажирского судна для Советского Союза принимали участие все труженики словацких верфей в Комарно. Такой гигант здесь еще не рождался. Работа трудная и ответственная. Но мы уверены: справимся!

* * *

...Последние минуты экспедиции «Жигули» на гостеприимной земле Чехословакии. Вот он, контрольно-пропускной пункт Райка. Деревья на той стороне — это уже Венгрия. Молодой пограничник, козырнув, возвращает наши паспорта, и вдруг вопрос совсем неслужебный:

— Простите, сколько бензина берут ваши «Жигули» на сто километров?

— Девять с половиной литров на больших скоростях.

— Да вот купил я три месяца назад «Жигули», тоже беленькие, и пока что обкатываю их только...

— Нравится машина?

— Очень! Я тут на КПП уже три года, и теперь все больше через границу идут «Жигули» из самых разных стран.

Шлагбаум поднят. Пограничник торопливо прощается, успев «на всякий случай» назвать свой адрес и имя — Ян Пасторик.

Илья ГЛАЗУНОВ

Заслуженный деятель искусств РСФСР Илья Глазунов создал портреты премьер-министра Индии Индиры Ганди и президента Финляндии Урхо К. Кекконена.

Мы публикуем на наших вкладках работы Ильи Глазунова, которые он выполнил, находясь в Дели и Хельсинки, а также его впечатления об этих поездках.

ДВА ПОРТРЕТА

Перед глазами встает жаркое небо Дели, пестрая толпа старого города, древние памятники, красочность народного искусства, пытливые глаза индийских студентов.

В центре города — гостиница «Джан Патх». Здесь мне довелось жить и каждый день в течение двух недель ездить в резиденцию премьер-министра Индии Индиры Ганди для работы над ее портретом.

Я выбрал место на открытой веранде, выходящей в сад, где в ослепительных лучах солнца застыли деревья, как на старых индийских миниатюрах. На мольберте был приготовлен двухметровый холст.

Вскоре в аллее сада появилась хрупкая женщина небольшого роста, в золотистом сари. Индира Ганди приветливо здоровается. Седая прядь волной пробегает в темных волосах, большие черные глаза своей глубиной и пристальным раздумьем напомнили мне глаза ее отца Джавахарлала Неру, которого я еще студентом видел в Ленинграде во время посещения им Эрмитажа. В облике Индиры Ганди поражает сочетание мужественной энергии и воли с поэтичной женственностью.

Я понимал, как она занята, тем более что вся страна готовилась к историческому визиту мира и дружбы — приезду Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Я хотел не только выразить всю глубину духовного мира Индиры Ганди, но и передать атмосферу индийской природы — Кашмир, откуда родом ее предки, цветущие деревья, знойное марево облаков, застывших в бездонной синеве неба. А в руке священный цветок Индии — лотос.

Работая над портретом, я снова и снова вспоминал русские портреты XVIII и XIX веков. Русские художники всегда стремились выразить главное — духовную суть человека, его психологию, его внутренний мир.

Листая сегодня книгу, подаренную мне Индирой Ганди, «Гимны Ригведы», я вспоминаю далекую Индию, в которой был так недавно.

«Это самая древняя книга человечества. Книги Веды — источник индоевропейских цивилизаций»,— сказала Индира Ганди.

Для меня как художника, интересующегося древним искусством Руси, было волнующим открытием узнать о родстве мифологий, о прямой связи языческого пантеона князя Владимира с ведическими богами древней Индии. Ведический Варуна — славянский Перун, а ведический Агни означает огонь.

...Работа над портретом Индиры Ганди закончена. Последним впечатлением от Индии был ночной Тадж-Махал — одно из чудес света: древний храм, тающий в лунном сиянии под огромным куполом неба с изумительными орнаментами южных созвездий.

Здесь же неподалеку от Тадж-Махала находится мертвый город, покинутый несколько веков назад, сохранивший до наших дней дивные памятники архитектуры, где меня поразили формы каменных наличников окон дворца жены грозного повелителя Акбара. Они точно такие, как русские наличники на избах и древних московских храмах...

Портрет Индиры Ганди был вручен ей Леонидом Ильичом Брежневым во время его визита в Индию.

* * *

Вскоре после Индии по приглашению Общества памяти Ю. К. Паасикиви я поехал в Финляндию.

За окнами вагона проносились низкие северные облака, зарево осенних лесов, гранитные глыбы, поросшие мхом, тихие лесные озера Севера.

Как говорил Николай Рерих, пусть наш Север кажется бедней других земель, но сказка Севера глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивы. Северные реки серебристы. Потемнелые леса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Серые камни в кругах чудесами полны...

Бургомистр города Хельсинки Теуво Аура говорил мне, что финны бережно относятся к исторической части города, охраняя не только известные памятники, но и самую старую застройку, которая составляет неповторимое обаяние финской столицы. Новое строительство с особенным блеском ведется в новой части города — Тапиоле, которая поражает своими удобными, современными зданиями, стоящими среди настоящего леса, и сохраненными гранитными глыбами с естественным рельефом причудливых очертаний.

Здесь, на берегу Финского залива, стоит дом-резиденция президента Финляндии Урхо Кекконена.

Высокого роста, подтянутый, по-спортивному моложавый, президент восхищает внутренней энергией. У него волевой взгляд мудрых светло-голубых, как финские озера, глаз.

Из окон его дома сквозь ветви мохнатых старых елей просвечивает водная гладь, видны очертания далекого острова, поросшего лесом. Совсем не чувствуется город. В кабинете большой письменный стол, много книг.

Мне довелось побывать в деревне, где родился президент. Деревянная изба, каких много в финских деревнях. В сенях — кадки, в маленькой, тесной комнате — печь, кровать, сундук, колодки для шитья обуви. Над столом, где лежит старое евангелие, керосиновая лампа. Прочна и незатейлива крестьянская посуда.

На бревенчатой стене в темной рамке фотография: отец, мать и двое белоголовых детей. Сейчас этот дом — музей, который посещают многие общественные деятели, туристы, художники.

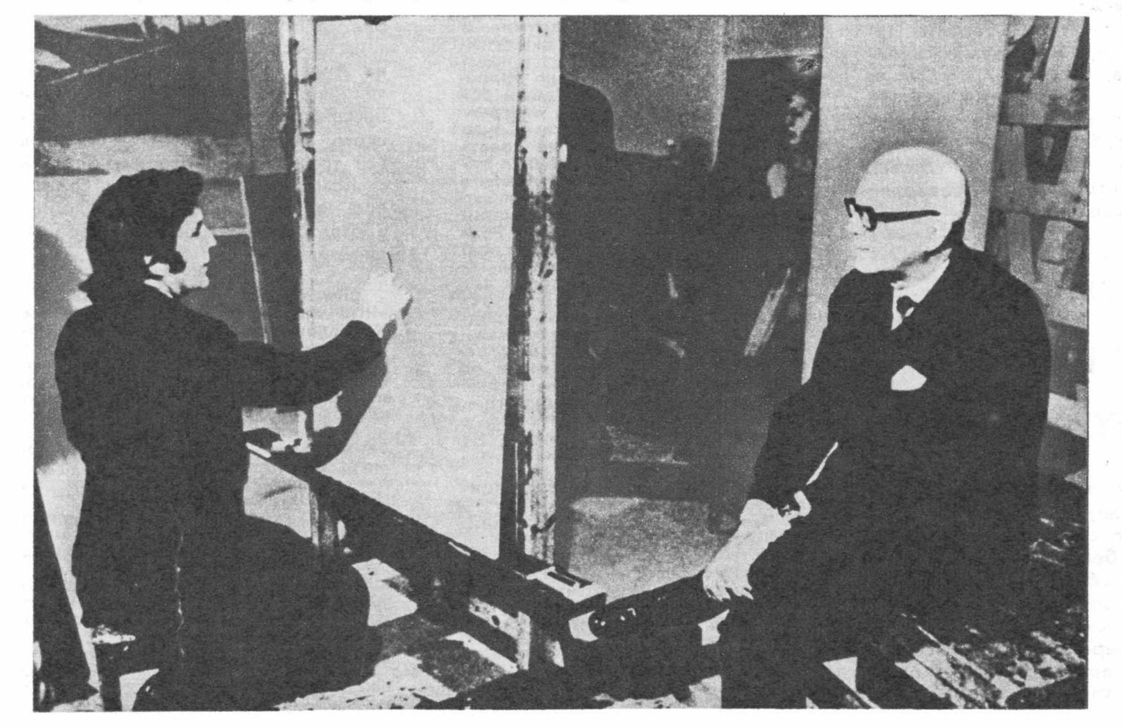
У меня на всю жизнь останутся в памяти встречи с этим обаятельным человеком, другом Советского Союза, одним из виднейших политических деятелей послевоенной Европы.

Его лицо, известное по многим воспроизведениям, преображается неожиданной улыбкой, искрящейся лукавым юмором и добротой. Острый ум, меткие определения, характеристики, данные президентом, любимы и популярны в стране. Президент Финляндии говорит по-русски, он рассказал, что рыбу, которую едят гости, он поймал сам у берегов Исландии, а мясо оленя — его охотничий трофей.

Портрет президента Кекконена был передан дому «Финляндия», центру политической жизни страны. В частности, здесь летом прошлого года состоялся первый этап общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. На праздничной церемонии вручения портрета присутствовали Урхо Кекконен с супругой, члены Государственного совета во главе с премьер-министром, представители советского посольства, руководство Общества памяти Ю. К. Паасикиви.

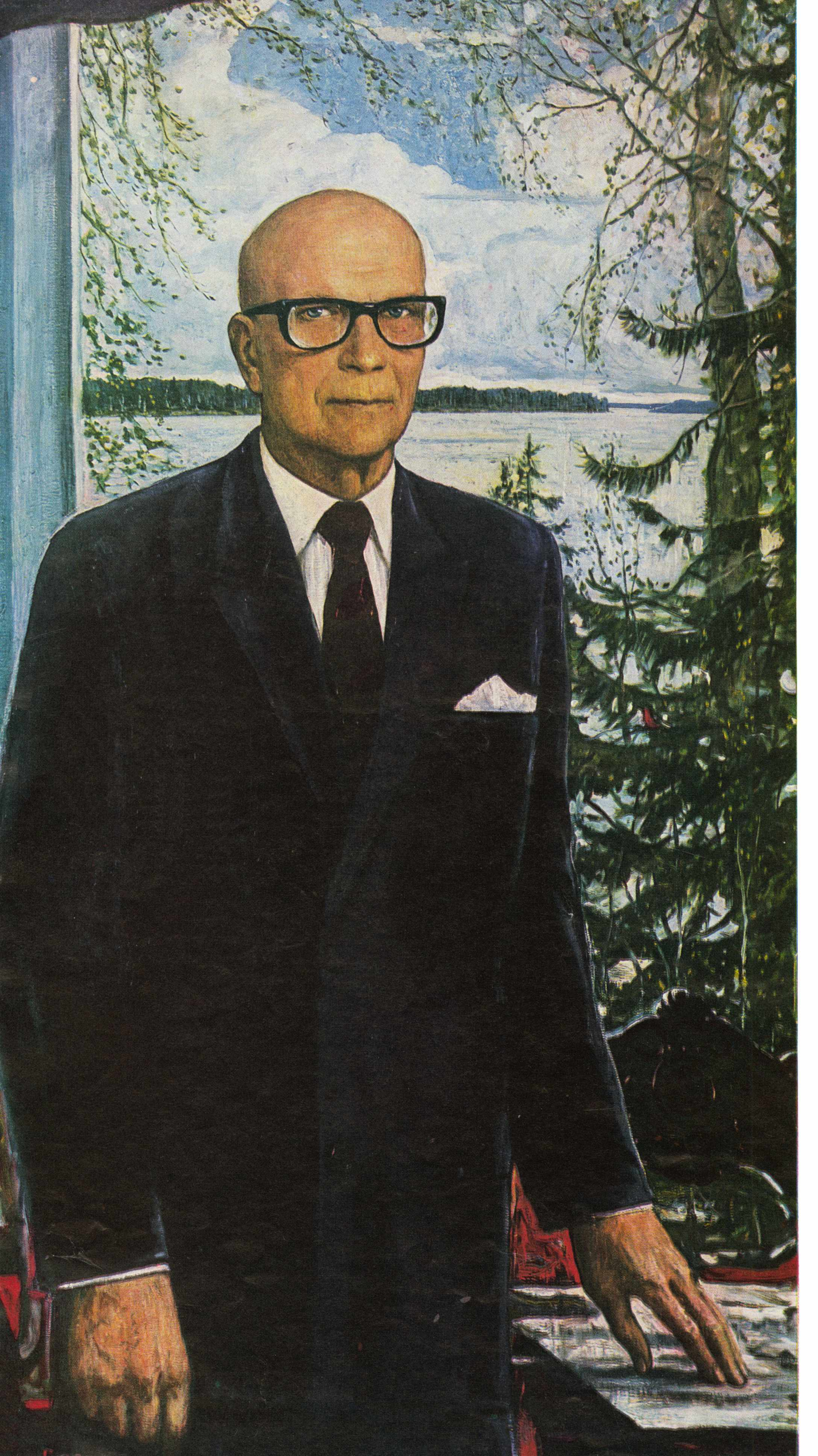
Мы, советские художники, всегда готовы отдать свой труд и все свои силы делу укрепления мира и взаимопонимания между народами.

Илья Глазунов пишет портрет президента Финляндии Урхо К. Кекконена.

Илья Глазунов

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР
РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ
ИНДИРА ГАНДИ.

Илья Глазунов

ПРЕЗИДЕНТ
ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
УРХО КЕККОНЕН.

Владислав ШОШИН

МИР БЕЗБРЕЖЕН

* * *

Кровь и кровавые мозоли —
Тех лет суровая судьба.
Идешь по заморозку в поле
И видишь спелые хлеба.

Идешь в блокадные сугробы
Под «юнкерса» надсадный вой
И видишь солнце высшей пробы
Над победившею Москвой.

И если вам твердят о смерти,
Что нас единственно ждала,
Вы нашей памятью проверьте,
Кем наша Родина жила.

Тем лейтенантом, что упрямо
Не уступал в бою врагу,
Той медсестрой, что, крикнув «мама»,
На сталь наткнулась на бегу.

Тем полководцем, чьих простертых
К победе рук не позабыть.
Спросите вы живых и мертвых,
Кто завещал России быть!

Дымок восходит к солнцу ровно,
Певуче каждым волокном,
Плывут рекой весенней бревна,
Поспешно вздыбленные льдом.

И лишь порою ледохода,
Следя обломки старых свай,
Поймешь всю страсть и власть народа,
Победный вырвавшие май!

ВЕТЕР В КОБОНЕ

А. А. Прокофьеву

Клубятся тучи, ветер реет в реях,
На Ладоге не ветер не пустяк,
Давай, мой друг, давай, земляк, скоре
К родной земле на верных скоростях.

Нет, мы не можем вести той поверить,
Мы, нянчившие Землю на руках,
Что властна смерть удел певца измерить
И спрятать солнце в черных облаках.

Ведь Ладога, она кипит пред нами
Волны и ветра дружбой грозовой,
И коль не властна смерть над валунами,
Как ей повелевать душой живой!

Я знаю — занесет песком фарватер,
Но будет поднимать восторгом зал
Все то, что спел Прокофьев на закате,
И то, что на рассвете он сказал.

Он говорил «Россия», и казалось,
Что бури нет и солнечны сердца.
И падала с души, как пыль, усталость,
И юности, казалось, нет конца.

И смерти нет словам его весенним,
Самой Россией сказанным, пока
Над Ладогой гудят леса сирени
И солнце прожигает облака.

* * *

Перелески, луга и озера,
Вековая печаль журавлей,
Я не знаю сердечней простора,
Чем просторы России моей.

От рассвета иди до заката,
От вечерней до новой зари —
Все душа от восторга крылата,
Солнцем зажженная изнутри.

Друг вчерашний тебя не заметит,
И любовь обойдет стороной —
Все равно остаются на свете
Купол синий и гром озорной.

Мать одна, это сказано зрело,
Мать Россия, я вновь повторю:
Пусть железо чужого прицела
Над тобой не погасит зарю.

Колокольчик пронзительно глянет —
В душу глянет простор голубой,
И душа никогда не устанет
Лишь одной любоваться тобой!

* * *

Неподвижные сосны в осеннем дозоре
Непривычно слепят золотой желтизной.
Я, как в детстве, вхожу на крутом косогоре
В этот сказочный мир, не изведанный мной.

Вот зацвел по вершинам рассвет огнелицый,
И откликнулся дятел, морзянкой стуча,
Вот береза манит, и сквозь пальцы струится
Серебро ли ручья, серебро ли луча...

Я иду, как победный герой в поединке,
Я не видел такого простора нигде,
Только ветер чуть знобок, да первые льдинки
Зазвенели в еще не уснувшей воде...

* * *

Вольный ветер, вольный ветер,
Ты качал крылами, шал,
Ты сегодня на рассвете
Только радостью дышал.

Только радостью, и с нею
Набегающей волной
И заоблачной, точнее,
Неземной голубизной.

Зацвела хвоя резная,
Не умыта с декабря.
Вольный ветер, я не знаю,
Где кончается заря.

Только вижу, вольный ветер,
Мне навеки не до сна,
Только слышу — на планете
Начинается весна!

* * *

Из леса — трели соловья,
Восторг синичкиной гортани,
Лягушки серой у ручья
Пузырчатое бормотанье.

Из леса — шелест камыша,
Черемуха цветущим дымом,
Как будто русская душа,
В цветении неповторимом.

Ее раздолье и простор
С наивностью, добру открытой...
Но по березе бьет топор
Размеренно и деловито.

Хвала бетону и стеклу,
Но я за празднество такое,
Чтоб было где лететь крылу
Зари, не знающей покоя.

Чтоб, от восторга не дыша,
Березой радостной и милой
Впивала русская душа
Родной земли хмельную силу.

Чтоб в вечном таинстве ветвей
Весна свой пир вершила брачный,
Чтоб пел на воле соловей —
Не в золоченой клетке дачной.

* * *

То ли грозен, то ли нежен,
Свой являя лик,
До чего же мир безбрежен,
До чего велик!

То ли поле, то ли море —
Там светло и тут.
Ты купаешься в просторе,
А года идут.

Говорят, их счет не вечен,
Словно майский гром...
До чего же бесконечен
Светлый мир кругом!

* * *

Спадает грозы завеса,
Летят, серебря бока,
Откуда-то из-за леса,
Как соколы, облака.

Березы в цветочном дыме
К ним тянут доверье рук,
И ветры летят за ними,
И солнце восходит вдруг.

Восходит над всей планетой,
И сто́ит издалека
Идти для минуты этой
Сквозь черные облака!

Ленинград.

Юрий **ВОРОНОВ**
Фото автора.

Однажды в Берлине я беседовал со старейшей работницей Центрального дома германо-советской дружбы Маргарет Колотциг. Она рассказывала, что за долгие годы работы познакомилась со многими знаменитыми советскими людьми. Ведь тут бывали и ученые, и писатели, и артисты.

— А кто особенно запомнился? — спросил я.

— Конечно, Гагарин, — ответила она.— Кто же забудет его улыбку!

Думаю, что такой ответ мог бы дать каждый, кто встречался с первым космонавтом Земли. Его белозубую улыбку, открытое лицо, живые, внимательные глаза невозможно забыть. Какой неиссякаемый запас жизнелюбия и доброты таился в них!

Иногда к самым знаменитым людям привыкаешь. Гагарин даже для тех, кто его хорошо знал, постоянно открывался новыми, неожиданными гранями своего человеческого таланта. И встречи с ним были для всех радостью, праздником.

Когда я работал в «Комсомольской правде», мне приходилось не раз встречаться с Юрием Алексеевичем: в кругу товарищей и дома, на заседаниях в ЦК ВЛКСМ и молодежных слетах, в заграничных поездках и на отдыхе. Если под рукой был фотоаппарат, я делал снимки. Часть из них сегодня публикуется на страницах «Огонька». Но фотографии — увы! — и в малой степени не могут поведать о том внутреннем мире, о том душевном богатстве, которые нес в себе Гагарин.

На кремлевском приеме в честь исторического гагаринского полета группа комсомольских работников познакомилась с Сергеем Павловичем Королевым.

— Вы очень волновались, когда начался полет «Востока»? — спросил один из нас.

— А как вы думаете? — весело

УЛЫБКА ГАГАРИНА

поинтересовался Королев и, кивнув в сторону улыбающегося Юрия Алексеевича, добавил: — Я же не Гагарин!

Позднее Сергей Павлович не раз говорил: «Своим полетом Гагарин показал, на что способен человек! Это — Прометеево деяние!»

Да, своим беспримерным полетом, проложившим первую звездную трассу, Гагарин показал, на что способен человек. Но каждый, кто знал Гагарина, согласится: после полета он продолжил свое деяние, показав всем, каким должен быть настоящий человек в обычной жизни! Он был воплощением не только мужественности и спокойствия, удивительной внутренней собранности и идейной убежденности, но и человечности в самом простом и самом высоком смысле этого слова.

После полета он был окружен бесконечной народной любовью и славой. Но, поднявшись на трибуну, он меньше всего говорил о себе. Зато как он рассказывал о тех, кто готовил его в полет, кто строил корабль, или о тех, кто мог полететь вместо него, но полетит позднее! И во всем этом не было и тени рисовки или напускной скромности. Это было его сутью, естеством.

Через несколько дней после победного возвращения Гагарина в Москву состоялась встреча космонавтов с группой комсомольских работников. Мне хорошо запомнился его тост. Юрий говорил, что он был счастлив выполнить задание партии, что мечтает о новых полетах. Потом, будто вспомнив на мгновение о свалившемся на него «бремени славы», продолжил:

— А еще я хочу сказать сегодня перед моими друзьями-космонавтами, перед товарищами из комсомола, что никогда не зазнаюсь!

Он сказал это как-то почти помальчишески, но серьезно глядя в глаза присутствующим. И все знают: он до конца своих дней оставался верным этому слову...

Гагарин любил спорт. Он был хорошим баскетболистом, с удовольствием играл в волейбол. Снимок, где он стоит на волейбольной площадке, — первая игра после полета. Но, пожалуй, самой большой спортивной «слабостью» Гагарина был хоккей. Он не ездил на заграничные хоккейные чемпионаты, но не пропускал телевизионных передач, когда транслировали из-за рубежа игры советской сборной. Болельщиком он был азартным, но спокойным: не махал руками, не вскакивал с места. Я бы сказал: он переживал игру с позиции игрока команды. А когда кончался последний период, немедленно шел к телефону, чтобы продиктовать ребятам телеграмму или — если была возможность — прямо поговорить с ними. К аппарату с той стороны подходили «виновники» победы, и он говорил им хорошие слова. А когда случались поражения, в трубку после коротких квалифицированных замечаний летело его обычное:

— Вы только не волнуйтесь! Все будет хорошо!

И все знали: гагаринское «не волнуйтесь!» было в тот момент и для тренеров и для участников сборной как никогда важно...

Волноваться за других, проявлять участие в их делах — это была неотъемлемая черта Гагарина. Все знают, как следил Юрий за полетами космонавтов, летавших после него, как заботливо готовил он их к встрече с космосом и как они были рады, когда Земля разговаривала с ними его голосом. Любимым человеком оставался он для них и в «земной жизни». Они шли к нему как к доброму товарищу за советом и помощью. И об этой гагаринской заинтересованности в людских делах, о безотказной отзывчивости могут вспомнить очень многие, в том числе и комсомольские работники, и журналисты, и писатели. Он оказывался рядом в трудную минуту и умел радоваться радостям других, будь то научная победа, производственный успех или рождение хорошей песни.

Юрия и Валентину Гагариных связывала большая дружба с композитором Александрой Пахмутовой и ее мужем поэтом Николаем Добронравовым. Помню вечер, когда Пахмутова познакомила нас с циклом песен, посвященных летчикам, над которым в то время работала. Тогда впервые прозвучала знаменитая «Нежность», «Мы учим летать самолеты». Среди слушателей был и друг Гагарина, наш прославленный летчик-испытатель Георгий Мосолов. Обоим им очень понравились песни, а Юрий, казалось, был рад успеху песен не меньше композитора. Кстати, не секрет, что песни А. Пахмутовой о летчиках самим своим рождением во многом обязаны этим двум людям.

...На Всемирный фестиваль молодежи в Хельсинки Гагарин приехал в штатском костюме, без наград. Некоторые из руководителей нашей делегации вначале даже расстроились:

— Как же так! Все-таки молодежь. Ей же интересно!..

Гагарин, виновато улыбаясь, оправдывался:

— А может, это хорошо? Молодежь увидит, что я самый обыкновенный!

С ним не соглашались.

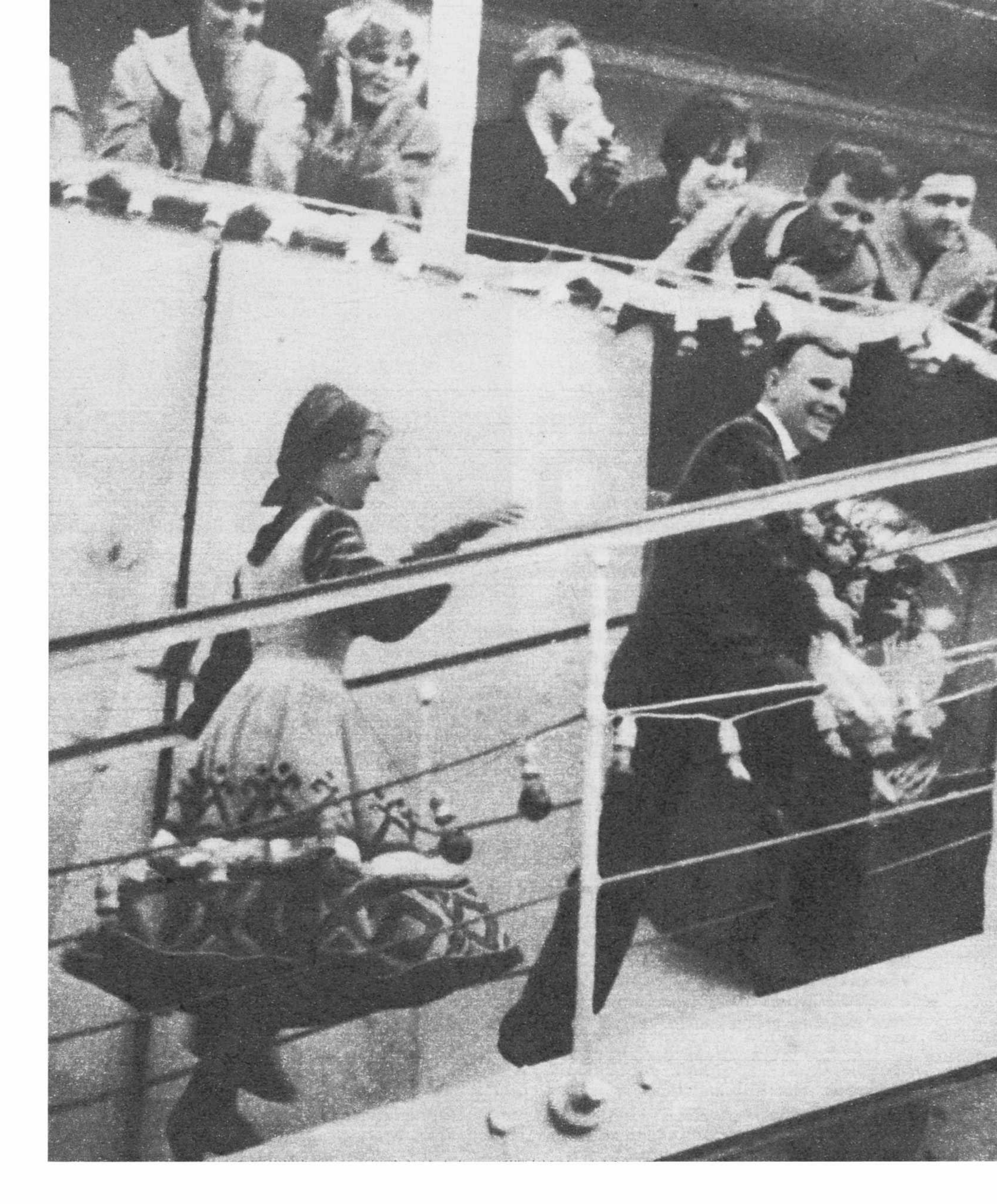
— Ну, теперь уж ничего не поправишь, — говорил он, разводя руками,— все оставил дома. Постараюсь компенсировать работой...

И работал он в Хельсинки без устали. Режим пребывания был до предела плотный: пресс-конференция, выступление на многотысячном митинге, встреча с молодежью разных стран. Несмотря на это, программу постарались составить так, чтобы космонавт смог хотя бы немного посмотреть город и отдохнуть. Но стоило Юрию Алексеевичу ступить на палубу теплохода «Грузия», где жила советская делегация, как от «плана отдыха» не осталось и следа. Бесконечные вопросы, беседы, съемки. Сфотографировался он тогда со всеми советскими группами, прибывшими на фестиваль: отказать в съемке или автографе он не умел.

Надо сказать, что молодежи, комсомолу Юрий Алексеевич уделял много времени. После избрания членом ЦК ВЛКСМ он участвовал в работе всех пленумов ЦК комсомола, выступал на молодежных слетах, на совещаниях творческой молодежи. Поездку к рыбакам Дальнего Востока или целинникам Поволжья он считал для себя важнейшим делом.

У Юрия Гагарина не было, наверное, какого-то особого ораторского таланта. Но он удивительно чувствовал аудиторию. И поэтому умел одинаково хорошо разговаривать с рабочими и солдатами, со школьниками и учеными, с поэтами и колхозниками. Выступая, никогда не говорил того, чего не знал, и очень не любил повторяться. Я не раз слышал его рассказы о том, что он видел из космического корабля, и помню: всякий раз он старался найти и добавить новые детали, новые оттенки. А рассказывал он о своем полете необыкновенно образно. Казалось, что он всегда видит перед собой это небо — с яркими огромными звездами на черном фоне и с многоцветной, слепящей глаза гаммой красок на горизонте.

Гагарин любил небо, мечтал о новых космических полетах и готовился к ним. Но еще больше он любил Землю, на которой родился, жил, стал коммунистом и ради счастья которой не уставал трудиться. Недаром он написал однажды: «Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту...»

К 30-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОДЕССЫ

На марше.

КАЗАЧИ

Весна сорок четвертого... На редкость ранняя и дружная, она прошла по равнинам Правобережной Украины, затопив непроходимой грязью фронтовые дороги.

Сильнейшая распутица приковала к полям аэродромов боевые самолеты, остановила на большаках и проселках колонны транспорта... Казалось, что отступающий от Днепра враг получит, наконец, желанную передышку. Но внезапный одновременный удар трех фронтов сокрушил гитлеровскую оборону от Полесья до берегов Черного моря. История войн не знала столь массированного наступления в труднейших условиях весенней распутицы.

На одесском направлении впереди наступающих армий шла конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева. Ее корпуса громили вражеские тылы, уничтожая штабы и резервы.

Взяв штурмом в тылу врага город Раздельная и повернув к югу, героические танкисты и конники вышли на западные подступы к Одессе, накинув смертельную петлю на всю армейскую группировку гитлеровского генерала Холлидта.

В канун тридцатилетия освобождения города-героя Одессы корреспондент «Огонька» Олег Скуратов встретился с бывшим командующим конно-механизированной группы, генералом армии, дважды Героем Советского Союза Иссой Александровичем Плиевым.

* * *

Известно, что конно-механизированная группа, действующая в тылу врага, опережала армии фронта на многие десятки километров. Какими же силами она располагала?

Это было мощное подвижное объединение. Кроме трех полнокровных кавалерийских дивизий, в его состав входил 4-й Сталинградский механизированный корпус, получивший гвардейское звание еще за бои по окружению армии Паулюса. Кроме того, у нас были отдельные танковые и артиллерийские полки, полки гвардейских минометов и мотострелковая бригада. Так что конно-механизированная группа мало напоминала кавалерию времен гражданской войны.

Конники, танкисты и пехотинцы нашей группы выдерживали невероятные тяготы беспрерывных боев и переходов. Шли в обжигающий ледяной дождь, мокрый снег, когда казалось, что на всей земле нет ни одного сухого клочка.

Вязли в грязи машины, и промокшим насквозь людям приходилось нести на себе снарядные ящики, минометные плиты, раненых...

Одно радовало — эта невероятная распутица совсем сковала фашистов. Солдаты говорили: «Что русскому — здорово, то немцу — смерть!» Отступая по такой грязи, гитлеровцы не могли даже оторваться от наших передовых частей. Иногда они застревали на параллельных дорогах или плелись позади нас, отступая на запад. Беспрерывно то в авангарде, то на флангах вспыхивали быстротечные бои.

Однажды конники ворвались в село Ново-Николаевку. Далее путь преграждала разлившаяся река. Надо было форсировать ее с ходу. И вот в утреннюю изморозь полки генерала Головского вслед за танками двинулись через реку. Они безмолвно и решительно входили в ледяную воду, подняв над водой оружие. И ничто уже не могло остановить казаков. Враг, окопавшийся на берегу, дрогнул и был смят в рукопашном бою.

Скажите, Исса Александрович, мог ли фронт снабжать вашу группу всем необходимым в таком дальнем рейде?

Разумеется, о нас не забывали, ведь мы были ударной силой 3-го Украинского фронта. Но по мере удаления от наших войск положение со снабжением резко ухудшалось. Мы по-прежнему аккуратно докладывали наши потери, расход боеприпасов, бензина. Запрашивали необходимое. Хотя знали — заявки будут удовлетворены только после рейда. Ведь уходя в глубокий тыл противника, становишься как бы на партизанское снабжение: что отобрал у врага, то и твое! А расход боеприпасов возрастает в рейде стремительно. В непрерывных яростных боях не прикажешь экономить патроны!

Как нельзя кстати мы получили боевое распоряжение командующего войсками фронта взять в тылу врага город Раздельная, где располагались большие базы снабжения немецких войск.

Скажите, конечной целью рейда конно-механизированной группы было освобождение Одессы?

Перед началом наступления такой задачи не ставилось. По приказу командования фронта мы наносили удар через Березовку на Раздельную, и лишь затем нам было приказано повернуть на юг и выйти к Одессе с тыла. Этим было достигнуто окружение 6-й армии генерала Холлидта.

Но ведь 6-я армия была разбита под Сталинградом?

Дело в том, что она была вновь создана Гитлером взамен уничтоженной. Он не раз заявлял, что, присвоив вновь сформированной армии тот же номер, что носила армия Паулюса, он создал «армию мстителей». Правда, военная биография этих «мстителей» оказалась плачевной. Еще в начале марта конно-механизированная группа во взаимодействии с армией генерала В. И. Чуйкова прорвала фронт на реке Ингулец и прошла по тылам врага.

Тогда войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала Р. Я. Малиновского нанесли сокрушительный удар по армии Холлидта, в тылу которой царили хаос и паника. Враг был разбит наголову. Он бежал, бросив всю технику, оставив на полях десятки тысяч убитых. Вот сообщение Совинформбюро о той памятной операции: «Главное поражение нанесено противнику в период с 13 по 16 марта с. г., когда немецкое командование в связи с выходом гвардейской группы войск генерал-лейтенанта Плиева на немецкие тылы потеряло всякое управление войсками и отдало приказ — пробиваться на запад мелкими группами и даже одиночным порядком».

Месяцем позже, совершая свой рейд к Одессе, мы выполняли подобную задачу. Вновь обходя с севера и запада 6-ю немецкую армию, конно-механизированная группа отрезала ее от баз снабжения и перехватывала пути отхода захватчиков с украинской земли.

В ночь на 4 апреля мы вышли на подступы к городу Раздельная.

В своих воспоминаниях гитлеровский фельдмаршал Манштейн пишет, что группа Плиева нанесла стремительный удар по самой чувствительной точке в системе обороны Одессы, и подтверждает, что это оказалось неожиданным для немецкого командования...

Надо признать, что тут фельдмаршал прав. Ведь Раздельная была главным узлом коммуникаций армии Холлидта. Через этот город проходила последняя железная дорога, связывающая Одессу с Румынией, и в случае отступления враг мог вывезти всю тяжелую технику только через эту станцию.

Штаб 3-го Украинского фронта радировал нам приказание: «Захватить Раздельную и этим отрезать пути отхода 6-й армии по железной дороге на запад».

Что же касается неожиданности нашего появления под Раздельной, то быстрота и внезапность были всегда главным козырем нашей конно-механизированной группы. Только что мы совершили форсированный бросок буквально на пределе человеческих сил. Шли по сплошной грязи сквозь непроглядную ночь. На беду повалил густой снег, подул ледяной встречный ветер. Конники спешились, сберегая силы коней для предстоящей атаки. Танкисты напролом проводили машины по таким гиблым местам, что потом сами дивились, как там вообще можно было пройти. Люди толкали руками пушки, помогая вязнувшим тягачам, подкладывали под колеса и гусеницы бревна, доски, свои промокшие насквозь телогрейки. Все были измотаны, устали до крайности. Но мы шли. Вот так рождалась та неожиданность, на которую жалуется Манштейн. Рождалась великим героизмом наших солдат.

Вспоминается такой характер-

На станции Раздельная. Казакам и броня нипочем!

Весна 1944. Генерал И. А. Плиев под Одессой.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

УДАР

ный случай. Боевое охранение 127-го кавалерийского полка обнаружило, что сзади пристроилась колонна гитлеровцев, и немалая! Почти шестьдесят автомашин с пехотой и артиллерией, да еще несколько сот всадников! Гитлеровцам и в голову не приходило, что они идут в общей колонне с советскими войсками!

Последовала хладнокровная подготовка к бою. Развернув танки, наши полки с двух сторон атаковали незадачливых завоевателей. Спаслись только те, кто благоразумно поднял руки... Этот эпизод еще раз подтвердил, что мы опережаем «немецкий график» нашего движения и что в Раздельной нас еще не ждут.

Исса Александрович, участники освобождения Раздельной рассказали, что вы лично повели в ночную атаку полки...

Мне не хотелось бы говорить об этом, ведь я всегда был противником излишней бравады командного состава. Военачальник должен управлять войсками, а не скакать с шашкой наголо. Но перед тем памятным боем возникли особые обстоятельства...

Я уже говорил, как устали и промокли под ледяным дождем люди, несколько суток не смыкавшие глаз. Когда же соединения вышли на рубеж атаки, я увидел, что непреодолимый сон буквально валит людей. Засыпали в седлах, на мокрой земле, на броне танков, засыпали в кузовах машин и даже стоя, приткнувшись к орудийному колесу. Я понимал, что бойцам необходимо отдохнуть хоть пару часов, но на беду вновь поднялся ледяной ветер. «Померзнут во сне казаки»,— подумал я. А внезапная ночная атака давала нам немало преимуществ. Немцы в Раздельной еще не ждут нас. Утром же они сориентируются и встретят нас организованной обороной. Утром они обрушат на нас свою авиацию. И немало жизней мы положим тогда в бою.

Значит, атаковать надо немедленно! Но как вдохнуть новые силы в смертельно уставших людей? И тогда я вспомнил старый казачий обычай.

Через минуту из части в часть громогласно понеслось по рядам:

— В атаку ведет командующий! Атака в конном строю!

И казачьи сердца откликнулись на эту команду. Значит, положение исключительное, значит, выход один — атаковать и разбить врага!

— Ракету!

С треском вспыхивают в ночи красные мерцающие огни, бросая багровые блики на танковую броню, на плотный казачий строй.

— Вперед!

Еще сильнее захлестала в лицо пурга. Скорее чувствую, чем слышу, стук копыт переднего эскадрона. Но вот нас обгоняют танки. Они прорываются сквозь завесу снега и исчезают впереди. Слышны выстрелы башенных орудий. Вслед за «тридцатьчетверками» мы врываемся на северную окраину Раздельной.

В одном из домов я решил развернуть свой штаб. Соскакиваю с коня, со мной в дом врываются казаки штабной группы. У печи в комнате растерянно стоят два немца без сапог и оружия. Подняв руки, они с изумлением смотрят на нас.

А связисты уже передают мне первые донесения атакующих дивизий. Центр города захвачен механизированным корпусом генерала Жданова. С юга Раздельную обошла 9-я гвардейская кавалерийская дивизия. Казаки генерала Головского и полковника Гадалина ведут бои за железнодорожную станцию.

Наступал тусклый задымленный рассвет. Бои еще гремели в разных районах, но было уже ясно: сопротивление врага сломлено. Обе вражеские дивизии, оборонявшие город, разгромлены. Раздельная наша.

Все станционные пути забиты вражескими эшелонами с пушками, с танками, боеприпасами. И теперь мы основательно вооружились за счет гитлеровских интендантов. А танкисты до краев заправили машины горючим — этим вечным дефицитом во время рейда.

5 апреля Совинформбюро передавало очередное сообщение, что конно-механизированные соединения стремительным ударом сломили сопротивление противника и овладели крупным железнодорожным узлом и городом Раздельная...

Таким образом, железная дорога Одесса — Тирасполь перерезана нашими войсками. Тем самым отрезаны основные пути отхода в Румынию одесской группировки противника.

Скажите, пожалуйста, что же предпринял в этом тяжелом положении противник? Ведь немецкое командование понимало, что одесская группировка на грани катастрофы?

После потери Раздельной командующему группой армий «А» генералу Шернеру, в которую входила и 6-я армия Холлидта, предстояло решить трудновыполнимую задачу: спасти одесскую группировку — «армию мстителей». Для этого было два пути. Первый — вернуть Раздельную, второй — переправить войска по стрелке через Днестровский лиман в районе Каралино-Бугаза.

Но вернуть Раздельную было невозможно. Конно-механизированная группа держала ее крепко, да и с востока к городу приближались армии генералов В. И. Чуйкова и М. Н. Шарохина.

Второй путь — через узкую песчаную стрелку южнее Днестровского лимана — грозил огромными потерями, особенно в технике. Да еще можно было попасть под огонь кораблей Черноморского флота...

И все же гитлеровское командование надеялось спасти армию Холлидта. Для этого в первую очередь надо было уничтожить нашу конно-механизированную группу, которая на немецких штабных картах обозначалась как объект № 1.

Ожидая, что мы продолжим рейд к Тирасполю, Шернер выдвинул на это направление все имеющиеся в резерве войска...

И тогда вы изменили направление удара?

Да, мы не стали упорствовать в движении на Тирасполь. 5 апреля конно-механизированная группа устремилась на юг с целью уничтожить последние вражеские переправы через Днестр у сел Маяки и Беляевка. А для прикрытия Раздельной мы оставили мотострелковую бригаду. Конечно, все эти решения были согласованы со штабом фронта. Вскоре командование уточнило нашу задачу: нам приказали прорваться по восточному берегу Днестровского лимана к морю и выйти к Одессе с запада. Но пока еще надо было разделаться с вражеским гарнизоном в Беляевке.

Скажите, та ли это Беляевка, где находился центр водоснабжения Одессы? В сорок первом, во время обороны города его защищали до последней возможности, чтобы не оставить жителей без пресной воды. Неужели гитлеровцам не удалось взорвать водокачку при приближении ваших войск?

Да, именно в Беляевке водопроводная станция с огромной водонапорной вышкой. И нам очень хотелось захватить станцию во что бы то ни стало в целости. Для этого мы создали подвижной отряд из отборных казаков. Вместе с ними направили и роту танков. Разъяснили задачу: скрытно подойти к Беляевке со стороны болота, захватить без особого шума водопроводную станцию и тут же разминировать ее. А затем держаться до последнего, пока не подоспеет дивизия генерала Тутаринова.

— Ну, казаки,— пошутил я в заключение,— на вас вся Одесса смотрит!

Позже, когда Беляевка была уже нашей, мне доложили подробности этой дерзкой операции. Бойцы окружили станцию в темноте, сняли наружные посты и, ворвавшись внутрь здания, перерезали электрический кабель, ведущий к ящикам с толом. Тогда танковая рота начала «наводить порядок» в гитлеровском гарнизоне, а казаки заняли круговую оборону. Они продержались до подхода главных сил дивизии и передали водопроводную станцию в полной исправности. Так еще до освобождения Одессы казаки позаботились о водоснабжении одесситов.

Спасибо, Исса Александрович, а теперь, пожалуйста, расскажите читателям «Огонька», как ваша конно-механизированная группа штурмовала Одессу...

Эту атаку мне не забыть никогда! Я уверен, что ее помнят и

мои однополчане, и, пользуясь возможностью, передаю им самый горячий боевой привет...

Я хорошо помню тот день, когда мы увидели первые дома Одессы. В ночь на 10 апреля танкисты генерала Жданова захватили Дальник и вышли к Татарке. Полукольцом к западным пригородам подходили наши кавалерийские дивизии... С этой стороны враг не имел подготовленных к обороне укреплений, и я решил атаковать в развернутом конном строю. Стоя в открытом «виллисе», я видел, как перед строем конников развевались красные гвардейские знамена.

— Как настроение бойцов? — спросил я одного командира полка.

— Настроение такое, что фашистам здесь и полдня не продержаться... Даешь Одессу! Вот какое настроение, товарищ командующий.

Взлетели долгожданные сигнальные огни. И сразу все полки рванулись на штурм. Порыв был такой, что конница долго не отставала от танков... Словно не прошли мы сотни верст тяжелейшего пути, не месили грязь на бесконечных дорогах. Мы шли одной разметнувшейся по равнине лавой, и я знал, что в эту атаку пошли все, все до одного. Еще утром мне доложили, что десятки раненых самовольно покинули санитарный обоз и присоединились к эскадронам, что повара бросили кухни, а интенданты оставили склады... Так рвались все в эту атаку.

Враг понимал, что успех нашего натиска явится для него смертельным приговором. А он все еще надеялся прорваться на запад к Днестровской стрелке. И вот уходящая из Одессы лавина гитлеровских войск ринулась нам навстречу.

Стоя в «виллисе», я хорошо видел все поле сражения. Справа алело над конниками гвардейское знамя 34-го полка. Хорошо шли кубанцы в эту последнюю на украинской земле казачью атаку! Вот они врубились в гитлеровскую часть, пытавшуюся с места преградить нам путь. Земля сразу же покрылась телами захватчиков.

Но немало казаков попало под свистящие навстречу пули. Смертью героев пали в этом бою несколько командиров эскадронов, тяжело ранен мой ординарец подполковник Гераськин. Но мы неотвратимо приближались к городу.

Она уже была перед нами, воспетая в песнях Одесса. С болью смотрели мы на поднимающийся в небо дым. Первыми ворвались в город танкисты генерала Жданова, полк мотострелковой бригады полковника Завьялова. Они с боем пробились по улицам к морской набережной, а следом за ними в кварталы Большого и Малого Фонтана влетели казачьи эскадроны.

Еще не утих бой, а улицы уже заполнились радостными, ликующими одесситами. «Наши пришли!» — слышалось под зеленеющими одесскими каштанами.

А с севера и востока в центр города вступали прославленные армии Третьего Украинского фронта. Шел незабываемый день 10 апреля сорок четвертого года.

НАШИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ВЕДУТ РЕПОРТАЖ С 69-Й ПАРАЛЛЕЛИ

ТЕПЛЫЙ ГОРОД

Н. ХРАБРОВА
Фото Н. АНАНЬЕВА.

Шествует и сыплет цветами весна: Ленкорани достаются розы, Ала-тоо — тюльпаны, средней России — подснежники. На 69-й параллели метет пурга, и по ночам над землей играют полярные сияния. И это тоже весна, ведь над сопкой Варничной, за зданием телевизионного центра, с каждым днем все раньше показывается алый солнечный диск и все дольше задерживается он на восточном краю неба.

Уже далек от меня Мурманск, яркий самоцвет 69-й параллели, а я все еще словно бы слушаю неторопливый рассказ этого города:

— Место мое, если из центра глядеть, ну, прямо на краю Ойкумены. Однако выбрано оно для меня не случайно. Еще в двенадцатом веке добирались сюда, к незамерзающей воде, новгородцы — промышлять рыбу и пушнину. В шестнадцатом веке стал тут русский торговый городок Кола. Уважаю своего предшественника за характер! Никаких стихий не боялись коляне — ни океанского вала, ни шального ветра. Ходили в полярную ночь в неведомые моря, торговали с соседями, развивали разные мастерства и умения. Дивные деревянные храмы строили, и что удивительно — в этакой глуши и отдаленности были коляне отменно вразумлены книжному искусству. Красив был здесь книжный труд: кожаные переплеты, броские заставки, изысканная старинная рукописная вязь. Не только монахи, как в иных местах, но и грамотные миряне занимались книжным делом. Потому здесь книги не особенно-то делились на церковные и мирские, а были «соборники», то есть сборники, разное в них имелось чтение — и божественное, и мирское, и тут же советы — как делать квас или солить рыбу. Высоко ценили коляне книги — и в переносном и в прямом смысле слова. Если в прямом, то в XVI веке «соборник» стоил в Коле 2 рубля, а на 2 рубля в том же веке можно было купить две коровы. И заметьте — две коровы не где-нибудь в луговой Рязани, а в снежной Коле, чуть ли не у самого полюса...

Интересно, правда? Ну как не позариться на такой городок? И зарились соседи ближние и дальние — хотели завоевать Колу. Самой настойчивой была «владычица морей». Не раз нападала Великобритания на Колу, но не поддавался заполярный городок, рос и укреплялся. 11 августа 1854 года трехмачтовый английский корвет с лирическим именем «Миранда» открыл по деревянной Коле шквальный огонь, осыпал ее бомбами, гранатами и ядрами. Не пропустила и в тот раз Кола завоевателей, но приняла тяжкие муки — сгорела. И стало на ее месте пусто. Долгое время необжитыми оставались берега Кольского залива. В 1913—1914 годах был тут известен всего один дом — помора Семена Коржнева. Надо полагать, именно в его честь тот новый городок, что заложили в октябре 1916 года под гул орудий первой мировой войны, назван был Семеновском. Потом его переименовали в Романов-на-Мурмане. А позднее, когда послереволюционная Россия вся стала строительной площадкой, на кольском берегу началось сооружение большого советского северного рыбного порта, большого города Мурманска, потому что благодаря теплу Гольфстрима и никогда не замерзающей воде судоходство и морской промысел возможны тут круглый год.

Интересных собеседников представлял мне Мурманск. Все, о чем рассказала я раньше, можно с тысячью подробностей узнать у мурманского педагога Ивана Федоровича Ушакова, а если с ним не удастся встретиться, то из его книги «Кольская земля». В ней такое обилие сведений о не очень-то широко известной истории этого полуночного края, что хочется, как встарь, назвать ее «кольским соборником». Для библиофила такая книга — и редкость и радость. Издана она Мурманским книжным издательством. И по этой книге и по многим иным из 900 названий, изданных в Мурманске с 1957 года, мы видим, что, как и в давнем прошлом, книгу здесь любят по-особенному, только старый этот обычай обогатился всеми достижениями книжного искусства. Построили недавно в Мурманске библиотеку. Но до того, как рассказать, какая она, следует вот что вспомнить: до революции на всем Кольском полуострове библиотек вовсе не было. В 1921 году мурманцы послали в Петроград, в издательство Всемирной литературы, 200 пудов соленой ры-

Далеко пролягут пути советских рыболовных судов от этого причала на 69-й параллели.

Мурманские теплицы — вечнозеленый островок в краю полярных ночей. Его хозяйки Тоня Непочатова и Нина Лоско.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ

Каждая удача и трудность сотен рыболовных судов во льдах и в тропиках ведома радиоцентру «Севрыбы». На вахте радистка Любовь Маяцкая.

Кругом вода на Мурмане, а теплая только здесь, в бассейне, и ее хватает для всех.

Хочешь стать владыкой океана — поучись пять лет в Мурманском Высшем инженерном морском училище. Занятия в лаборатории электронавигационных устройств.

Мир тепла, света, книг и цветов.

33

2 3 4 5 6 7 8

бы в обмен на книги. Книги из Петрограда пришли и были умещены в нескольких шкафах. Теперь на полуострове работает 500 библиотек, а флагман этого великого книжного флота, областная библиотека, стоит в Мурманске, на улице Софьи Перовской. Четырехэтажное здание вмещает на длинных светлых полках больше миллиона книг. В полярную ночь в здании зажигается полторы тысячи светильников, и похоже, будто в городе есть особый солнечный мирок, свет от которого яркими пластами ложится на снега окрестных улиц. Само собой разумеется, что в ней есть все специальные залы, которые положены любой библиотеке. Отличаются они от большинства залов областных библиотек только размахом и обилием света; но, кроме них, еще есть лекционный зал, кинозал и нотно-музыкальный, и рядом с ним — кабинеты для прослушивания музыкальных записей. И всюду — цветы, цветы, цветы. Оказывается, что библиотекари — почти все со специальным высшим образованием — большие любительницы цветов. Они с наслаждением ухаживают за сотнями сочных и ярких комнатных растений и прямо-таки с японским искусством составляют множество зимних букетов и декоративных композиций. И уже сложилась в Мурманске традиция — направляясь в библиотеку, одеваться нарядно, как на концерт. Честь и хвала мурманским библиотекарям, честь и хвала пермским архитекторам, по

И казалось чудом, что там, где был пустынный простор, да полузаметные следы древней Колы, да единственный домик Семена Коржнева, стоит теперь большой город с населением в 340 тысяч человек и что стал он самым крупным городом Заполярья.

Как же он получился?

Ищу старожилов. Нахожу, знакомлюсь. Вечером пью чай с северными — морошковым, клюквенным, брусничным — вареньями у Антонины Сергеевны Бараненковой.

После чая Антонина Сергеевна раскладывает на столе старые фотографии. Старые? Да нет, совсем недавние — 1929 года. Да и в самом деле, разве 45 лет для города — это много? Для города это даже еще не юность — это его детство. Тем более, что когда в 1929 году Антонина Сергеевна студенткой-практиканткой с группой океанографов и ихтиологов приехала сюда, город-то был еще небольшим деревянным поселком. На фотографиях — парни в косоворотках, девушки в белых беретиках. Вокруг — пустынная вода, пустынные гряды сопок. Только еще начинался рыбный порт, задумывались институты, и студенческая практика состояла в том, чтобы изучить возможности и наметить пути освоения этого чуда природы — незамерзающих у самого полюса вод. Глядя на тогдашние фотографии и на нынешнюю Антонину Сергеевну, думаю: и в самом деле 45 лет совсем короткий срок.

Зрители из детского сада «Олененок»...

...и сказки и сказочники из кукольного театра.

чьему проекту построена эта библиотека.

Дом книги в Мурманске тоже построен недавно, на сопке, выше библиотеки. Его реклама видна всему городу. Стены торгового зала украшены цветной мозаикой, книгам и покупателям здесь просторно. Знакомство человека с книгой, их общение—это процесс, я бы сказала, интимный. Выбирают здесь неторопливо, раздумчиво. Но надеяться на то, что город этот не столичный и тут легче достать редкие книги, не приходится: Мурманск в книжных делах град первопрестольный.

Эта его черта пленила меня сразу. А дальше пошло... Я любовалась домами центра, красными, голубыми и желтыми на белом снегу; ездила в новые районы, уступами взбирающиеся на сопки; радовалась рябинам — они стояли по бокам проспектов «по колено» в сугробах, их черные ветки были увешаны прошлогодними крупными коралловыми гроздьями и облеплены сытыми спокойными птицами; удивлялась вечерним весенним метелям — красным, зеленым и голубым от света вывесок и реклам. Пленительны утренние весенние зори, бледно-розовые, как разведенный клюквенный сок, а закаты, полосатые, как перья жар-птицы, и вовсе ошеломляли. Сказочно красивым было «белое безмолвие» 69-й параллели ранней весной — тут, в городе, оно отнюдь не было безмолвием, и вовсе не белым, а таким цветным, что только краски вятских мастериц ему под стать.

— Там, где теперь центр города, были болота,— рассказывает Антонина Сергеевна,— мы собирали морошку, чернику. Конечно, невозможно было представить, что вырастет здесь такой город, но мы понимали, что городу здесь быть, что предстоит много работы, да такой, что интереснее и не вообразить. Я хоть и была убежденной коренной москвичкой, однако ради увлекательной работы выбрала Мурманск, осталась здесь и здорово к нему привязалась.

Работа состояла в изучении рыбных богатств Белого и Баренцева морей, в организации ПИНРО — Полярного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. Отрезок времени в нашей стране от выстрела «Авроры» до пуска атомных электростанций, те полвека, о которых с неутихающими страстями спорит и размышляет все человечество, складывается из множества самых незаурядных человеческих судеб. Антонина Сергеевна Бараненкова тому пример. На студенческих фотографиях она самая маленькая, самая беленькая, типичная горожанка и даже маменькина дочка. Теперь же кандидат наук Бараненкова — одна из ведущих научных сотрудников ПИНРО. Сколько же ей лет? Да кому это интересно, если она ни в грош не ставит океанские штормы, постоянные рейсы в полярные воды, в полярную тьму? Если она одержимая путешественница, коллекционер и краевед? Уже после моего отъезда Антонина Сергеевна прислала мне лекцию клуба краеведов об истории мурманских улиц — почему и в связи с чем им присваивали имена известных полярников и известных кораблей. Когда выпадали свободные дни на суше, Антонина Сергеевна участвовала в строительстве города — и до войны и после войны, когда он, разрушенный дотла, даже не восстанавливался, а строился от нуля. Она делала и продолжает делать историю ПИНРО, а научный вклад ПИНРО в развитие рыбного промысла на Севере огромен.

...Мурманский морской ордена Ленина рыбный порт. Порт. Эти четыре буквы, объединенные в слово, создают в воображении яркий и разноплановый образ. Тут и прошлое и будущее, давний исторический опыт и планы на десятилетия вперед, достижения научные и технические, четкая организация труда, постоянная готовность к неожиданностям стихий. Здесь, на Севере, взвихренность стихий—это повседневность, будни. Человек в порту, у моря должен быть бесстрашным, здоровым, сильным. А здесь — особенно. И не только сильным и мужественным, но и образованным. Далеки и сложны пути советских рыболовных судов, промышляющих и в высоких широтах и у берегов Африки и Австралии. Поэтому именно в Мурманске и создано Высшее инженерное морское училище, и не просто высшее, но и со своей аспирантурой. Сюда приезжают учиться настоящие парни — те, кого зовет море не только с его романтикой, но и с его опасностями: Мурманск — это не Севастополь и не Таллин, прежде чем сюда приехать учиться, надо крепко подумать. Но, подумав и уяснив, что отсюда выйдешь готовым капитаном, готовым тралмейстером и инженером-механиком с опытом студенческого плавания в наитруднейших условиях, едут сюда парни с разных концов страны, даже из таких не пахнущих морем мест, как среднеазиатские пустыни.

Через Мурманский порт проходит пятая часть общесоюзного улова. Отсюда рыбная продукция отправляется в разные наши города и в тринадцать зарубежных государств.

Два миллиона тонн — общий грузооборот Мурманского порта, половина — рыба, половина — снаряжение для судов. Два миллиона тонн... Цифра огромная. Только один второй грузовой район принимает и перерабатывает столько рыбы, сколько порты Калининграда, Клайпеды, Риги и Таллина, вместе взятые.

В Мурманский рыбный порт в течение года приходят тысячи судов. У причалов могут одновременно стоять и обрабатываться наземной механизацией более ста судов.

Разные бывают города у моря. Одних море радует своей ласковой, теплой прибрежной волной, а других...

Из Мурманска кто-то каждый день отправляется в морской поход за тысячи километров, на долгий срок, и, уходя, знает — в любую минуту ледяная вода может взбеситься, и придется вступать с ней в поединок. Снова, рейс за рейсом, уходят те, кто не испытывает страха перед холодным морем.

Если судить по карте — да, суровый город у сурового моря. Если судить по людям — край сильных и нежных чувств. Наверное, в природе человеческой — особо привязываться к тому, что достается непросто и трудно, как достался людям этот северный город. И еще вот почему: удивительным теплом он встречает людей, возвращающихся с моря. Такова традиция. Поэтому в нескольких семьях города каждый день бывает праздник встречи. Накануне в этих семьях начинает пахнуть традиционными мурманскими пирогами — таких нигде не попробуешь, только здесь. С палтусом пироги, а палтус свежий в Мурманске всегда бывает, в рыбном порту среди океанских гигантов есть два каботажных работяги, они-то ежедневно и везут в мурманские магазины свежую рыбу. Из своих, мурманских, теплиц свежими овощами уставляются столы, горки заморских фруктов накладываются в вазы — и счастье долгожданной встречи гостем усаживается за семейным столом. Вперемешку, толкая друг друга, встревают в разговор расспросы: как учатся дети, и посещают ли они фотарий, где кварц заменяет юным мурманцам солнце, и бывают ли в Африке белые ночи, случаются ли в Австралии дожди? Все ли домочадцы здоровы и благополучны, и какой силы шторм застал отца в гремящих сороковых широтах. Мурманские педагоги говорят, что географию их ученики знают хорошо, на конкретных примерах.

Потом будут встречи с городом. Традиционные семейные лыжные походы в долину Уюта или еще дальше, на речку Тулому. На лыжах в Мурманске ходят все от первого снега до последнего, то есть большую часть года. Будут и традиционные культпоходы — бабушки и дедушки, папы и мамы с детьми отправятся в кукольный театр. Это тоже мурманский обычай: театр здесь существует сорок лет и работает так, что ему все возрасты покорны.

И откуда бы ни пришел моряк— из тропиков ли или из Ледовитого океана, он непременно пойдет с детьми в плавательный бассейн, с девяти утра до одиннадцати вечера зазывным волшебным фонарем сияющий в темные часы. Десятки тысяч мурманцев всех возрастов научились в нем плаванию.

Каждый год город дарит своим жителям обновы: кинотеатры и клубы, новые дома и магазины, школы и лыжные базы, телепередачи из центра и хорошие книги. И человек, вернувшийся с моря, будет потом рассказывать друзьям в далеких гаванях:

— Наш Мурманск — теплый город.

Рассказывая, он будет хвалить тепло человеческое и обязательно похвалит погоду. Только он будет хвалить ее по-разному. Если ему вспомнится день, когда над тяжелой кольской водой кружились вихри острого снега, а ветер был такой, что хоть ложись ему на крыло, мурманец скажет: «Эх, хороша была погодка!» Ну, а если, как это бывало в последние годы, солнце много суток подряд, не покидая 69-ю параллель, будет палить, как в Сочи, он справедливо одобрит: «Хорошая нынче погода». Это правильно подмечено — не бывает плохой погоды, а бывает плохое настроение.

И еще. Верно сказано: что ни город, то норов. Такой уж там норов, на далекой, многоснежной, заманчивой 69-й параллели.

ВЫСШИЙ СУДЕ

Л. Н. СМИРНОВ,
председатель Верховного Суда СССР

ВОПРОС. Прежде всего хотелось бы познакомить читателей «Огонька» с историей создания Верховного Суда СССР и основными задачами, которые были на него возложены.

Ответ. Возникновение Верховного Суда СССР неразрывно связано с образованием Союза Советских Социалистических Республик. 30 декабря 1922 года I съезд Советов СССР принял Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В статье 12 договора говорилось о необходимости учредить при ЦИК СССР «в целях утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик» Верховный Суд «с функциями верховного судебного контроля». Так в основном завершилось создание советской судебной системы, начало которой было положено ленинским декретом о суде № 1, сломавшим старый, буржуазно-помещичий суд. В последующих ленинских декретах были сформулированы важнейшие принципы деятельности судебных органов первого в мире социалистического государства. Главным звеном новой судебной системы стал народный суд, привлекший к осуществлению правосудия самые широкие массы трудящихся.

Первая Конституция СССР определила основные положения, регулирующие деятельность высшего судебного органа страны. Среди них хочется отметить одно, имеющее принципиальное значение: обязательное включение в состав пленума Верховного Суда СССР председателей пленарных заседаний верховных судов союзных республик. Таким образом обеспечивались не только живая связь Верховного Суда СССР с высшими судебными органами союзных республик, но и непосредственное их участие в обсуждении и принятии наиболее важных решений, имеющих общеобязательное значение для всех судебных органов страны.

19 апреля 1924 года состоялось первое пленарное заседание Верховного Суда СССР, ознаменовавшее начало деятельности высшего судебного органа страны.

Следует сказать, что союзная прокуратура до 1933 года входила в состав Верховного Суда СССР. В то время Верховный Суд СССР действовал не только как судебный орган, имевший судебные и судебно-надзорные функции, но был наделен и правами общего надзора. Вот почему в ту пору на первый план выступала его общенадзорная деятельность, или, как тогда говорили, «деятельность в порядке конституционного надзора».

В 1933 году была образована Прокуратура СССР, и Верховный Суд СССР освободился от большей части обязанностей по осуществлению общего надзора за законностью. Главное внимание теперь сосредоточивается на судебном надзоре. Верховному Суду СССР было предоставлено право давать директивы верховным судам союзных республик, проверять работу судебных органов.

С первых дней своего существования Верховный Суд СССР настойчиво добивался осуществления ленинских принципов судебной деятельности во всех ее звеньях. Важнейший из них — принцип социалистической законности. Принимались меры по усилению роли судов в предупреждении правонарушений, повышению воспитательного значения судебных процессов. В связи с этим хочется напомнить не потерявшие значения и поныне слова, сказанные в свое время М. И. Калининым:

«Судья должен не только правильно политически разобраться в данном конкретном деле, в той обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку и сущность, но он должен еще, кроме того, суметь это сделать *так убедительно, так показательно,* чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались бы в этом деле и поняли бы правильность вынесенного судом решения...» «Процесс суда — это лучшая, конкретная агитация. Нигде в практической жизни нельзя так хорошо агитировать, как на судебных процессах».

ВОПРОС. Что внесла в деятельность судов принятая в 1936 году Конституция СССР?

Ответ. Она не только определила судебную систему нашей страны, сформулировала основные функции Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик как высших судебных органов Советского Союза и союзных республик, но и закрепила наиболее важные принципы социалистического правосудия: осуществление правосудия выборными судьями; участие в разбирательстве дел народных заседателей; независимость судей и подчинение их только закону; ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчиков, а также право выступать в суде на родном языке; гласность судопроизводства; обеспечение обвиняемому права на защиту. Эти подлинно демократические принципы социалистического правосудия, закрепленные в высшем законодательном акте Советского государства, являются важнейшей гарантией обоснованности и законности судебных решений.

В Советском Союзе созданы исключительно благоприятные условия для успешного решения задач социалистического правосудия. Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет, лично Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев уделяют огромное внимание укреплению социалистической законности, упрочению общественного порядка, повышению авторитета суда как органа социалистического правосудия, обеспечению гарантий независимости судей и подчинения их только закону.

ВОПРОС. Нельзя ли напомнить читателям о деятельности Верховного Суда СССР в качестве суда первой инстанции?

Ответ. В первой инстанции он рассматривает дела исключительной важности. Так, в двадцатые годы был проведен ряд крупных судебных процессов, связанных с преступной деятельностью частнокапиталистических элементов в пору нэпа; рассмотрены дела опасного врага Советской власти Бориса Савинкова, соучастника расстрела 26 бакинских комиссаров Ф. Фунтикова, организаторов вооруженной борьбы против молодой Советской республики Анненкова и Денисова.

Большой общественный резонанс вызвали дела, рассмотренные Верховным Судом СССР в послевоенные годы. Суд над изменником Родины А. Власовым и его сообщниками, перешедшими на службу германского фашизма и совершившими кровавые преступления против советского народа в годы Великой Отечественной войны. Процесс по делу агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана П. Н. Краснова, генерал-лейтенанта белой армии А. Г. Шкуро, командира «Дикой дивизии» генерал-майора белой армии князя Султана-Гирея Клыча, генерал-майоров белой армии С. Н. Краснова и Т. И. Доманова, а также генерал-лейтенанта гитлеровской армии эсэсовца фон Павница, обвинявшихся в том, что по заданию германской разведки в период Великой Отечественной войны, используя сформированные ими белогвардейские отряды, они вели вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили против него шпионско-диверсионную и террористическую работу. Хочу напомнить также о проведенных Верховным Судом СССР процессах по делу изменника Родины О. Пеньковского и шпиона-связника Г. Винна. Все они понесли заслуженное наказание. Приговоры по этим делам были с одобрением встречены советскими людьми и прогрессивной общественностью мира.

ВОПРОС. Как формируется высший судебный орган страны, из кого он состоит?

Ответ. Он избирается Верховным Советом СССР сроком на пять лет на его сессиях. Последние выборы состоялись 20 сентября 1972 года. Выступивший тогда перед депутатами Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный отметил, что Верховный Суд «содействует правильному применению судами законодательства, защите прав и охраняемых законом интересов граждан, а также предприятий, учреждений и организаций, дальнейшему укреплению советского правопорядка».

Верховный Суд СССР был избран в составе девятнадцати членов (включая председателя и двух его заместителей) и сорока пяти народных заседателей. В состав Верховного Суда СССР входят также все председатели верховных судов союзных республик по должности. Это — одно из проявлений принципа социалистического федерализма.

Как и все советские суды, Верховный Суд СССР может рассматривать по первой инстанции уголовное или гражданское дело лишь с обязательным участием народных заседателей. Процессу-

БНЫЙ ОРГАН СТРАНЫ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

альный закон не предусматривает никаких исключений из этого правила, в том числе и для Военной коллегии Верховного Суда СССР или военных трибуналов.

Среди народных заседателей — представители всех союзных республик. Тут и заместитель директора научно-исследовательского института К. А. Амосов, и мастер завода ЗИЛ В. И. Иванов, и слесарь-инструментальщик Харьковского электромеханического завода А. В. Заславский, и генералы Советской Армии И. С. Цыганков, П. И. Друзенков, и директор совхоза «Путь Ильича», Кустанайской области, Казахской ССР, С. В. Рыкун, и другие товарищи.

ВОПРОС. Какова компетенция пленума Верховного Суда СССР?

Ответ. Он утверждает состав судебных коллегий Верховного Суда СССР, заслушивает их отчеты, дает оценку их деятельности; заслушивает доклады председателей верховных судов союзных республик о судебной практике по применению общесоюзного законодательства, а также постановлений пленума Верховного Суда СССР; рассматривает протесты Председателя Верховного Суда СССР и Генерального прокурора СССР на решения, приговоры и определения судебных коллегий Верховного Суда и на постановления президиумов или пленумов верховных судов союзных республик.

Одна из важнейших задач пленума Верховного Суда СССР — давать руководящие разъяснения, связанные с применением законодательства при рассмотрении судебных дел. Эти разъяснения являются обязательными для всех советских судов. Как правило, они посвящены наиболее актуальным проблемам судебной практики по гражданским и уголовным делам.

Заметим, что 80 процентов всех судебных дел в СССР — это гражданские дела, возникающие из трудовых, семейных, жилищных, колхозных и других правоотношений. Конечно, на рассмотрение пленума Верховного Суда СССР вносятся лишь немногие гражданские и уголовные дела, причем такие, по которым уже состоялись решения всех судебных органов союзной республики. Обычно это сложные дела, и вопросы, возникающие при их разрешении, носят принципиальный характер.

В заседаниях пленума обязательно участие Генерального прокурора СССР. В работе пленума участвует также министр юстиции СССР.

Подготовка руководящих разъяснений пленума Верховного Суда СССР — это результат аналитической работы, специального изучения и обобщения судебной практики. За последние годы возросла роль существующего при Верховном Суде СССР Научно-консультативного совета, в который входят видные ученые-юристы.

ВОПРОС. Какие задачи Верховный Суд СССР считает сейчас главными для себя?

Ответ. При всем их многообразии особое внимание должно быть обращено на борьбу с преступностью и другими правонарушениями, на задачи, которые в связи с этим указаны в решениях XXIV съезда партии, решениях декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о дальнейшем укреплении законности и правопорядка в Советском государстве.

Мы должны добиться максимальной результативности судебной деятельности, установления повседневных деловых связей с другими государственными органами, осуществляющими борьбу с правонарушениями. Нужно всегда помнить неоднократные указания ЦК КПСС о том, что сложные задачи борьбы с правонарушениями, борьбы за укрепление общественного порядка могут быть решены лишь при глубоком изучении конкретного состояния дел, при условии знания происходящих процессов, умения сконцентрировать усилия на объектах наиболее неблагополучных или требующих по тем или иным причинам особого внимания.

Многое надо сделать для повышения воспитательной роли суда в борьбе против таких унаследованных от прошлого, по сути своей глубоко чуждых социализму явлений, как недобросовестное отношение к труду, расхлябанность, недисциплинированность, стяжательство, различные нарушения норм социалистического общежития. Преодоление этих пережитков — процесс длительный, ибо психология человека переделывается куда медленнее, чем материальные основы его жизни.

Свое пятидесятилетие Верховный Суд СССР встречает в период, отмеченный крупными успехами советского народа в строительстве коммунистического общества, в пору глубоких положительных изменений в международной обстановке, достигнутых в результате претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС.

Но мы обязаны помнить, что разрядка напряженности в международных отношениях отнюдь не означает ослабления идеологической борьбы. Мы не должны забывать ленинского предупреждения: «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете».

Наши идеологические противники немало потрудились над тем, чтобы оклеветать советское право, ленинские принципы социалистической законности и правосудия. О подлинном существе этой антисоветской пропагандистской деятельности ярко и сильно сказал товарищ Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил: «Говорят о свободе и демократии, о правах человека, а на деле вся эта шумная кампания служит одному: прикрыть попытки вмешательства во внутренние дела социалистических государств, прикрыть империалистические цели своей политики».

Речь Л. И. Брежнева вновь напоминает о том, что социалистическая законность, предоставляя широкие права и свободы советским гражданам, в то же время активно защищает наш правопорядок, защищает социалистическое государство от преступных посягательств, откуда и от кого бы они ни исходили.

«Советские законы предоставляют нашим гражданам широкие политические свободы,— говорил Л. И. Брежнев.— В то же время они ограждают наш строй, интересы советского народа от чьих бы то ни было попыток злоупотребления этими свободами». И это полностью соответствует ратифицированным Советским Союзом международным пактам о правах человека, где сказано, что упомянутые в них права «не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других...» Мы поставили под этим свою подпись».

Советские юристы отлично понимают, что и кто скрывается за измышлениями о якобы существующем нарушении прав человека в странах социализма. Даже в те времена, когда еще не остыл пепел миллионов людей, умерщвленных в фашистских концлагерях и сожженных в печах крематориев, реакционные правоведы империализма клеветали на Нюрнбергский и Токийский трибуналы, объявляя международные процессы над военными преступниками «расправой над побежденными». Ныне, защищая фашистов чилийской хунты, убийц из ЮАР, столь же реакционные правоведы империализма злобно клевещут на советскую правовую действительность, на деятельность советского суда, оберегающего безопасность нашего государства.

Недавно мировой общественностью было отмечено двадцатипятилетие Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН в значительной мере по инициативе Советского Союза и стран социалистического содружества.

Достаточно сопоставить, скажем, статьи 8—12 Всеобщей декларации с советскими законами, чтобы убедиться, что все положения декларации, относящиеся к гарантиям прав личности, содержатся в советском праве. Достаточно ознакомиться с руководящими разъяснениями пленума Верховного Суда СССР и пленумов верховных судов союзных республик, их постановлениями по конкретным делам, чтобы убедиться, с какой тщательностью эти нормы соблюдаются в судебной практике.

Правда нашего самого гуманного и самого справедливого в истории человечества социалистического права, вся наша повседневная судебная практика разоблачают идеологические диверсии империализма. Выполняя решения XXIV съезда КПСС, Верховный Суд СССР будет и впредь добиваться неуклонного претворения в жизнь демократических принципов социалистического правосудия, дальнейшего совершенствования деятельности всех советских судебных органов в борьбе с правонарушениями, повышения эффективности воспитательной роли судебных процессов.

Беседу вел Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ.

В ИЮНЕ, ПОСРЕДИ ВОЙНЫ

Александр ОЛЬШАНСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Санька прожил на свете немногим более четырех лет, почти половину из них в войну, и по своему опыту знает, что спать — самое подходящее занятие, когда хочется есть. Во сне не чувствуется, как долго тянется день, не думается о еде, к тому же присниться может что-нибудь хорошее, вкусное.

Но сейчас ему спать совсем не хочется. Надев просторные трусы, доставшиеся от старшего брата, которые то и дело нужно поддергивать, он слоняется по двору, не зная, чем заняться, чтобы шло поскорее время и быстрее возвращалась мать.

Дома никого нет. Куда-то подался дид Нестир, приютивший их, ушла бабка. Дверь мазанки на запоре; Санька стучал, но никто не вышел, тогда он направился в шалаш, который соорудил для них дид Нестир, обследовал углы, перерыл вещи в корзине, заглянул в чугунок, в кувшин — нет, мать, уходя, ничего не оставила. Может, потому, что вчера их снова выпроводили из Изюма, не дав даже собраться,— немцы опять бомбили город; может, она надеялась скоро обернуться: взять у стоявших здесь, в селе Базы, красноармейцев белье в стирку, а если повезет, то и задаток в пользу Саньки — ломоть хлеба или котелок настоящей военной каши.

Везло редко. В Базах жили десятка два семей из пригорода, так что у здешних красноармейцев всегда все было выстирано и перестирано. Не сытно, на лебеде и крапиве, жилось местным жителям, и женщины покидали это бесхлебное место, возвращались с детьми в Изюм. Пробирались домой скрытно, низинами, балками, полями, заросшими чертополохом, сторонились людей, обходили села, где их могли увидеть бойцы и потом отправить назад, в Базы. В Изюме жить запрещали: по Донцу, разделявшему город пополам, проходила линия фронта, а их окраина — трудно было понять, где она: то ли у наших на переднем крае, то ли на ничейной земле. Только в родных хатах казалось не так голодно и, может быть, даже дальше от войны. Но их сразу же обнаруживали и выселяли, а они все равно стремились домой...

В последний раз им удалось побыть там всего два дня. В пути, уже под Изюмом, когда нужно было в балке дождаться темноты, у матери случился приступ малярии. Наверное, оттого, что ночь и день несла Саньку на руках, сбила в кровь ноги, и, когда они добрались до балки, где знали родник, она, разгоряченная, напилась холодной воды, а потом еще и полежала на земле, наслаждаясь покоем. Почувствовав, что в теле накапливается слабость, она выбралась на косогор, на солнце, легла на песок. Началась лихорадка. Лицо у матери покрылось испариной, волосы, совершенно белые, выбились из-под косынки, наползли ей на глаза. Саньке стало страшно, он схватил ее за дрожащую руку, силясь поднять, и, плача, умолял: «Мамочка, родная, не умирай, встань...» «Сейчас, сейчас, сынок, встану,— шептала она.— Не бойся, потрясет и перестанет. Холодно, песочку мне теплого на ноги... На ноги...»

Домой добрались ночью, а вечером следующего дня на окраине появились красноармейцы. Мать с Санькой спрятались на грядке, в кукурузе. Во двор зашел только один боец, другие направились к соседям. Приставив винтовку к хате, он присел на завалинку, закурил и принялся перематывать обмотки. «Сиди тихо,— наказывала мать.— Скоро совсем стемнеет, а там, говорил слепой, побачим...»

— Ну, мамаша, сколько тебя ждать? — негромко спросил красноармеец, управившись с обмотками.— Выходи из кукурузы, не бойся.

— А я и не боюсь,— сказала мать, поднимаясь.

— В таком случае зачем прячешься? Знаешь ведь: здесь жить нельзя, а живешь.

— Нельзя... Зимой это «нельзя» есть не станешь.

— А убьют? Мальчонка сиротой останется, да?

— Выходит, лучше помереть с голоду? У меня, кроме этого,— она нащупала позади себя Санькину голову,— еще двое. Сейчас они где-то скотину пасут, может, дай бог, живы и сыты, а зимой сюда придут. Мыслимо ли выжить без этого ночами копанного и саженного, триста тысяч раз проклятого огорода? За пятьдесят километров сюда ходим, суем голову в самое пекло... Нет, товарищ боец, никуда я отсюда не уйду. Пусть лучше убивают, моих сил нет...

Красноармеец бросил под ботинок окурок, встал и закинул винтовку за плечо.

— Много осталось полоть-то?

— Товарищ боец, ведь пока в одном месте бурьян порешишь — работа ночная, в сумерках да на рассвете, глядь, в другом полоть надо!

— Эх, гражданочка... Жалко, на ночь глядючи, выпроваживать тебя с мальцом. Жалко, понимаешь, а ты — в другом месте полоть надо. Убьют. Как ты это не разумеешь, дура ты се-

дая, прости на слове! Он как заметит что-нибудь, так и кидает снаряды! Тогда кому в радость твоя картошка будет? Да пропади она пропадом, малых детей пожалей, а не картошку! Нельзя жить, значит, нельзя,— строго сказал он, помедлил и смягчился: — Так уж и быть, ночуйте, а завтра уходите. Добром прошу, уходите...

Утром мать несла куда-то спящего Саньку. «Проснись, Санюша»,— тормошила она его, и Санька ощущал на своем лице ее частое, сбившееся дыхание. Он закапризничал, ему хотелось еще спать, но глаза открыл и увидел над собой щелистую крышку погреба. «Проснулся? — обрадовалась мать.— Молодец, что проснулся. Не спи, сыночек... Сейчас спать нельзя. А ты, господи, праведный и милосердный, защити...»

Наверху медленно нарастал гул. Задрожала земля, в щели посыпался песок. Самолеты завыли, в страшном том вое родился рвущий душу свист, и Санька заорал во всю мочь, прижался к матери, а потом спрыгнул с коленей, заметался между кадушками в тесной яме погреба,— самым жутким было в этот миг сидеть на одном месте и ждать. Мать схватила его, закрыла ему уши, а он продолжал кричать, чувствуя телом, как резко и часто, толчками вскидывается земля.

Когда все стихло, в погребе стало еще темнее. В щели густо и беззвучно сыпался песок, смешанный с горьковатым, сизым дымом.

Где-то кричали.

Они выбрались из погреба, их хата осталась целой, но в дыму плавала вся окраина. На соседней улице горели хаты. Низко, чуть выше Санькиной головы, стлалась по земле пелена едкого дыма...

Возле горящих хат снова закричали.

— Ой, там кого-то убило! — вскрикнула мать и, подхватив Саньку на руки, побежала туда. «О господи, о господи...» — приговаривала мать на бегу, и Санька приготовился к чему-то особенно страшному.

Языки сухого пламени, бледные в это ясное, солнечное утро, с гулом и треском дожирали остатки хаты, поднимая в небо клубы копоти и пепла. Возле хаты стояло дерево, на котором раньше росли райские яблочки, а теперь оно было голое и черное, и обугленные кончики веток начинали светиться красноватыми огоньками, когда пламя, временами усиливаясь, достигало их.

Несколько женщин, не обращая внимания на пожар, столпились за двором. Перед ними на мягкой зеленой муравке лежала Светка, подружка Санькиной сестры. Голова ее покоилась на подушке, вышитым рушником была накрыта грудь. Хватаясь за волосы и причитая, рвалась из рук женщин к ней ее мать.

Светка лежала спокойно. Глаза у нее были закрыты, и только едва заметно шевелились белокурые колечки на лбу от повевавшего горячего ветра. Она осталась спокойной и тогда, когда возле огня закружился юркий вихрь, пронесся мимо, сбив полотенце и обсыпав всех песком и пеплом. Какая-то тетка поправила полотенце, в это время Светкина мать вырвалась и упала на грудь дочери, заголосила еще сильнее. «Пусть поплачет, легче станет»,— сказала тетка.

Саньке всегда нравился огонь, большие костры и бушующее пламя, но хату было жалко, как и райские яблочки, которыми Светка в прошлом году угощала его. Было жалко и Светку, которая умерла, и ее теперь, как всех мертвых, это он знал, должны закопать в землю, было жалко и ее мать; но здесь не было страшнее, чем в бомбежку, к ним он привыкнуть не мог. Он видел мертвых и раньше: убитых солдат, какую-то бабку в Базах, которая недавно, как говорили все, отмучилась. И всегда его удивляло одно и то же — все они становились загадочно безразличными ко всему. Так случилось и в этот раз. Светка лежала спокойно, а женщины, особенно ее мать, плакали; можно было подумать, что теперь ей нисколько не хуже, чем всем им...

А матери все нет.

Санька сидит под тыном и смотрит в щели меж хворостин на притихшее в жару село, на мазанки, выглядывающие хитроватыми оконцами из вишневых садов, на высокие тополя, расставленные вдоль единственной улицы до самого Оскола. Хата дида Нестира почти крайняя, стоит на склоне песчаного бугра. Отсюда хорошо видны пустынный колхозный двор, танцующий в мареве лесок за ним, у реки. В лесу, когда они в последний раз уходили в Изюм, стояли красноармейцы, и мать, наверно, должна идти оттуда.

Он подкатывает к плетню дырявый бабкин чугунок, ставит вверх дном и взбирается на него. Так видно еще лучше, только все равно матери на дороге нет. И Саньке вдруг приходит счастливая мысль: пойти на бугор и поесть козелек.

Через заросли краснотала, ограждающие дедов двор от песка, он поднимается на вершину бугра и там среди кустиков чабреца и былинок пырея ищет козельки — прижавшееся к земле растение с невысоким стеблем, налитым млечным соком, а главное — со сладким волокнистым корнем. Добывать их научил старший брат, и теперь Санька, как ему и показывали, роет вокруг корня ямку, берется обеими руками за него пониже, тянет, надувшись.

В пищу идет только корень, стебель пригоден для другого — клейким молочком можно рисовать на руках, ногах, животе разные фигурки, а если их еще присыпать землей, то они держатся на теле до тех пор, пока мать не смоет теплой водой. Но Саньке сейчас не до рисования, он не очень тщательно очищает корни от песка и с хрустом жует их.

Неожиданно в краснотале одна из двух бабкиных куриц поднимает заполошное кудахтанье. Наверно, куры купались в песке под кустами, а к ним подкрался хорек? Санька никогда не видел этого таинственного зверька, но бабка настойчиво жаловалась всем, что где-то поблизости живет хорек — большой любитель курятины, и, не дай бог, он задавит последних в Базах куриц, которые кормят больного дида Нестира.

Схватив увесистый кусок кремня, Санька бежит в кусты. «Ках! — ко-ко-ко-ках!» — кричит белая курица, важно расхаживая вокруг ямки в песке, и он, не веря своим глазам, видит яйцо.

Он бережно берет его, белое и еще теплое, несет во двор. Яйца — удивительно вкусная штука. Подарила бабка как-то ему одно, мать заправила им суп из лебеды, так получилось, считай, чуть ли не кастрюля яичницы. Бабка говорит, что от яиц может живот заболеть, и варит их деду, потому что он ничего другого почти не ест. Только Саньку не так-то просто провести: живот болит, если переесть козелек, от волчьих (он называет их молчьими) или других, незнакомых ягод, но от яиц он никогда не болит...

Наконец-то возвращается дид Нестир. Опираясь на палку, он тащит вязанку хвороста, бросает ее за хатой и садится отдыхать на крыльце.

— А у меня что-то есть, есть, есть...— прыгает перед ним Санька.

Дид вытирает рукавом рубахи пот на черном, землистом лице и спрашивает:

— Та шо ж воно такэ е, Лександро Батькович?

— Яйцо! — выкрикивает Санька и мчится в шалаш.

Дид держит в клешнястой руке яйцо, усмехается:

— И правда, яйцэ. Так тоди, Лександро Батькович, и жизнь получшала и табачок подэшэвшав...

— Я в кустах нашел,— хватается Санька.

— Молодэць. Полож його на зэмлю, шоб нэ розбыть, а мамка прыйдэ та й зварэ. Я бачив мамку в лиси, казала, скоро буду. Сидай рядом, будэмо ждаты...

Санька прислоняется к нему и смотрит на дорогу. С дидом он в большой дружбе. Дид всегда на его стороне. Вспомнится Саньке, что на бабкиных грядках растет редиска или морковка, и начинает он капризничать, или, как говорит мать, разводить квас. Она берется за хворостину, но он не сдается: ждет, пока дид пошлет бабку на огород. И дид многое умеет: вырезать из лозины свистульку, волшебную палочку с затейливым узором, смастерить пропеллер, который сам крутится — только беги...

По дороге проходит отряд красноармейцев, скачет всадник, догоняя их. Дид поглаживает Санькину голову, и тот начинает дремать под тяжелой и теплой его рукой.

Просыпается Санька уже в шалаше — то ли от сильного хлебного духа, который накопился в жаркий день в соломе, то ли оттого, что ему почудился голос матери. Нет, ему не послышалось: мать на самом деле беседует о чем-то с дидом. А яйцо? Где оно? Ему становится жутко от мысли, что оно могло куда-нибудь деться, что его вообще не существовало. Приснилось, а наяву не было никакого яйца...

Он облегченно вздыхает, когда видит, что оно здесь, белеет в углу шалаша. С величайшей осторожностью он берет его двумя руками, потому что было бы непоправимым горем лишиться счастливой находки сейчас, когда ждать осталось совсем немного, и несет матери, чувствуя, как трусы предательски сползают все ниже и ниже. Не поднимая их, он ждет, что мать сейчас похвалит, бросится разводить огонь, но она почему-то боится взглянуть ему в глаза, смотрит только на яйцо и затем, поджимая обсыпанные малярийными болячками губы, говорит тихо:

— Это чужое яйцо, сынок. А брать чужое нельзя.

— Та звары йому, Егоровна, будь ласка. Раз дытына хочэ...

— Нестир Иванович, вы тоже как маленький. Мы и так сидим на вашей шее. То редисочки, то морковки, то лучку...

— Это мое яйцо, я нашел его! — кричит Санька, заливаясь слезами, но мать отбирает находку и относит в хату.

— Побийся бога, Егоровна,— упрекает дид Нестир, когда она возвращается.— Нэ гордысь. Я ж бачу, ты прыйшла сьогодни з пустыми рукамы. Военни пишлы на пэрэдову, никому тоби стираты. А воно ж цилый дэнь тэбэ ждало з цым яйцэм...

— Нестир Иванович, перестаньте, прошу вас,— говорит мать и проходит мимо Саньки к шалашу.

— Ты плохая! Ты плохая! Я не люблю тебя! — кричит Санька вслед.

— Ну и не люби...

Санька потрясен. Рыдая, он со злостью протирает глаза, а они снова заливаются слезами, и чувствуя, что матери надо ответить такой же жестокостью, грозит ей:

— Я умру! Умру, как Светка!

— Умирай,— доносится из шалаша.

И Санька внезапно перестает плакать. А что, если в самом деле умереть? Он будет лежать спокойно, все ему будет трын-трава, а мать — плакать... Так ей и надо. Но зато ему больше ничего не будет нужно. Пусть зарывают его в землю, пусть. Ему никогда, никогда не захочется есть, не станет он больше дожидаться матери, пусть она бродит, где ей вздумается и сколько вздумается. Не пойдет он никогда в Изюм, не станет там прятаться от самолетов, бояться бомбежек: ему все станет безразличным...

Он умрет.

Но, представив, как мать начнет причитать и рвать на себе волосы, он ощущает, как что-то больно застывает у него в груди. Ему жалко мать, и он заглядывает в шалаш, озабоченно смотрит на нее, втайне надеясь, что снова наступит мир и согласие, предупреждает:

— Я иду умирать.

Если бы она сказала: не умирай, сынок,— он сразу бы простил ей яйцо, бросился на шею и заплакал. И остался бы навсегда жить. Но мать, не поднимая головы, обрезает лебеду.

— Я иду умирать...

— Я же сказала: иди.

Ей безразлично, умрет он или нет!

И Санька идет умирать. Забирается в краснотал, ложится на спину, вытягивает ноги, складывает на груди руки и закрывает глаза. Он надеялся умереть тотчас же, как только уляжется таким образом, но почему-то не умиралось...

Неподалеку закокотали куры, гребутся. Разве здесь можно умереть? Нужно идти на дорогу — наедет какая-нибудь машина, и тогда уж наверняка умрешь.

Он выходит на дорогу, ложится на мягкую и горячую пыль. Машин нет. Если без надобности, злится Санька, так они шастают, а нужно — не дождешься. В селе завывает какая-то, едет. Может, сюда? И стихает...

— Лександро Батькович,— слышится глуховатый голос дида Нестира.— Нэ вмырай. Раз маты нэ хочэ, я сам зварю тоби яйцэ...

Не нужно оно теперь ему, можно и без него обойтись. Только хочется Саньке, чтобы мать сейчас вышла и забрала его. Ведь он ум-

рет на всю жизнь, как она этого не понимает? Не идет. Значит, правильно он делает, никому не нужен...

За околицей урчат грузовики. Санька знает, что они обязательно поедут этой дорогой. Вот они уже близко, совсем рядом... С какой бы он радостью убежал во двор, пусть мать не выходит, пусть только позовет! Может, все-таки догадается? Ну как она не понимает, что он должен оставаться на месте: ведь если решил умереть, надо дело довести до конца...

Передний грузовик, обдав Саньку пылью и бензиновой гарью, останавливается. Слышны мужские голоса. Кто-то спрыгивает на землю, подходит к Саньке, трогает за лицо. Он вздрагивает и еще крепче сжимает веки.

— Он жив, товарищ майор, притворяется!

— Мальчик, открой глаза...

У Саньки нет уже терпения лежать с закрытыми глазами, он потихоньку приоткрывает веки. Вокруг стоят бойцы, командир склонился над ним и улыбается. Он уставший и небритый, с одной бровью, а там, где должна быть другая, розовеет пятно кожи, не успевшее загореть.

— Ты почему здесь лежишь? — спрашивает командир.

— Хочу умереть.

— Во сколопендра! Он хочет умереть! — смеется удивленно боец, который называл командира майором.

— Я хочу есть...— с обидой возражает ему Санька и больше ничего не может сказать.

...Мать стоит у печи, когда Санька с майором входят в хату.

— Мамаша, ваш мальчик?

— Мой.

Майор, не опуская Саньку на пол, садится на скамью у порога, снимает фуражку.

— Нехорошо получается, мамаша. Мальчик лежит на дороге, а вы за ним не смотрите. Хочу умереть, говорит.

— Он у нас выдумщик,— оправдывается и в то же время хвалится мать.— Ему что-нибудь выдумать — все равно, что с горы покатиться...

— Не детская это игра...

Майор остается на постое у дида Нестира. Санька, очарованный присутствием настоящего командира, к которому бойцы приходят за приказаниями, ни на шаг не отходит от него: смотрит, не мигая, как майор бреется, поливает ему, когда тот умывается, и помогает даже чистить пистолет. Потом боец, который смеялся над ним, приносит в котелках суп и кашу, полбуханки хлеба и красивую блестящую банку. Санька замер у стола, смотрит, как боец разливает в бабкины миски пахучий суп, и тихонько, совсем по-щенячьи повизгивает от того, что у него в этот момент болью заходится живот. Майор вручает ему ложку, садится напротив за свою миску, и Санька, веря и не веря, что это ему не снится, начинает есть.

— Я ж тоби казав, Лександро Батькович, шо жизнь получшала и табачок подэшэвшав,— подает голос с печи дид Нестир.

— Ешь, Санька, не стесняйся,— подмигивает майор безбровым глазом, а Санька, уплетая гороховый суп, не сводит глаз с блестящей банки, которую открывает боец.— Там сгущенное молоко,— говорит майор.— Будем чай с ним пить. Не пробовал?

Санька молча мотает головой и поглядывает на мать, которая стоит у печи, смотрит на него, покусывая губы.

— Вот кончим войну и такую вам, карапузам, жизнь построим...— Майор вдруг умолкает, переводит дух.— Одним словом, хорошую, чтоб жить да радоваться. Для начала отгоним немцев от вашего сладкого города Изюма. А потом и войну кончим, вот увидишь. Так что живи, Санька, впереди такая жизнь!..

Несколько дней майор и его бойцы, истосковавшиеся в окопах по детскому смеху, сдержанно, по-мужски баловали его, кормили кашей, дарили кусочки сахара, катали на «студебеккере», подбрасывали и подбрасывали вверх — и замирало Санькино сердце от высоты и восторга. В нем, наверное, им виделись свои дети...

А потом ночью, когда Санька спал, они ушли из села. Санька плакал, искал их по хатам, но не находил: они вернулись на передовую. Вскоре вслед за ними покинул навсегда Базы и Санька — уходил с матерью домой, в свой Изюм.

Вадим КАССИС

РАЗЛИКИЕ ОСТРОВА

2. ХОККАЙДО

ДОРОГА СЕВЕРНОГО МОРЯ

Как-то один из моих знакомых москвичей написал: «Саппоро у нас почти все знают. А вот весь остров Хоккайдо так и остался лично для меня в тени. Чем он дышит сейчас?»

Если с географической точки зрения подойти к вопросу, то хоккайдцы живут на той же широте, что и кавказцы. По площади Хоккайдо равен Португалии, занимает 21 процент территории Японии. Но это, конечно, еще мало о чем говорит. Поражает проблема населения. Здесь обитает всего лишь 5,3 процента всех жителей Японии.

...Это было давно. Придя на остров, люди дали ему имя «Хоккайдо» — «Дорога Северного моря». Дорогами японцы называли земли, которые встречались на пути их расселения, будь то на севере, востоке, юге или западе. Первые поселенцы топором и заступом отвоевывали земли у первозданных лесных чащоб Хоккайдо. Они строили жилища вдоль равнинного залива Исикари, потом забирались все дальше вглубь и обосновывались по долинам сплавных рек. В нелюдимый край их гнала земельная скудость и безысходная нищета...

Переселение обрело форму узкоступенчатого освоения Хоккайдо в 1869 году, когда на других давно обжитых японских островах началась эпоха развития капитализма. Промышленность не могла существовать без каменного угля и леса. Уголь и лес — богатства Хоккайдо.

Японцы-южане тяжело приспосабливались к новым условиям жизни на Хоккайдо. Их встретили плохие земли и каторжный труд на прокладке железных дорог, в шахтах. К концу прошлого века люди принесли сюда старые традиции: строительство легких домов с раздвижными дверями, с заклеенными промасленной бумагой окнами. Они хотели выращивать в теплых полях-корытцах рис. Им верилось, что все компенсируется одним — свободой, но она оказалась фальшивой, как сусальное золото. Лучшие пахотные земли захватывали помещики, удобные для разработки лесные массивы попали в руки перекупщиков-спекулянтов. Добровольцев отправиться на Хоккайдо становилось все меньше и меньше.

Предвоенная промышленность Японии, в значительной степени зависевшая от хоккайдского каменного угля, частенько страдала из-за несвоевременных поставок топлива. Задержки вызывались забастовками грузчиков, докеров. Грузы доставляли в Хоккайдо водным путем через пролив Цугару, который не отличается спокойствием. Штормовые ветры и темень закрывали основные угольные порты Отару и Муроран, нарушали работу железнодорожного транспорта и ставили под угрозу производство электроэнергии, металлургическую, химическую и другие отрасли промышленности. Ко всему прочему перевозки угля по морю удорожали его себестоимость в полтора раза.

И вот в научно-исследовательском центре корпораций Мицубиси и Мицуи, которые владели крупнейшими месторождениями угля и других полезных ископаемых Хоккайдо, стали изучать вопрос о возможности прокладки подводного тоннеля между Хоккайдо и Хонсю. Перед инженерами лежали знакомые и уже существовавшие проекты тоннелей: самого большого железнодорожного в Альпах, протяженностью 19,7 километра, и самого длинного подводного под рекой Северн в Англии — около 7 километров. При оптимальном варианте в Японии могла идти речь о прокладке пятидесятикилометрового ствола на глубине до 100 метров ниже уровня моря.

...Ранним утром наш экспресс подошел к последнему на острове Хонсю железнодорожному вокзалу Аомори. Сквозь влажную пелену тумана вырисовывались просторы пролива Цугару, по которому проносились катера. Станция эта необычная, она выполняет и роль причала. Проходят считанные минуты, и к передним вагонам уже приближается паром. Он плавно опускается, лязгают стальные стыковые замки. Дежурный по станции докладывает главному диспетчеру: «Стыковка закончена!» Железнодорожные рельсы станции и парома теперь превратились в единое полотно, а через несколько минут наш вагон уже крепится на борту огромного океанского судна. Паромный парк со своими службами в Аомори — это как бы естественное продолжение железной дороги Токио — Саппоро, ее узловой пункт. Каждая операция здесь втиснута в жесткие рамки расписания, я заметил по часам: всего двадцать минут понадобилось для того, чтобы перегрузить состав с земной тверди на паром и быть готовым вести его в пролив. И все-таки на то, чтобы форсировать пролив, нужно время. Об этом у нас зашел разговор на палубе парома с чиновником управления из Хакодате.

— Тоннель Аомори — Хакодате начали строить в апреле 1971 года,— говорит Уносан,— общая длина главного тоннеля составит почти 54 километра, подсчитано, что за год он сможет пропускать 16 миллионов человек и 26 миллионов тонн груза.

Бурное экономическое развитие Японии привело к резкому увеличению потребления электроэнергии, и поэтому хоккайдский низкокачественный уголь был в начале пятидесятых годов потеснен более дешевой ближневосточной нефтью. На острове стали закрываться шахты, выбрасывались на улицу рабочие.

Каких-нибудь десять лет назад на Хоккайдо велись разработки 120 угольных копей, сегодня же их осталось около 20. Спрос на уголь, казалось, должен расти, но хозяева, закрывая шахты, ссылаются на их «нерентабельность» и дороговизну транспортировки.

Владельцы угольных копей, консервируя шахты, спешат вложить свои капиталы в более выгодное дело, а именно в проект строительства промышленного

Окончание. Начало см. «Огонек» № 15.

комплекса на южном побережье острова в районе города Томакомай. Я внимательно слушал складно льющийся рассказ чиновника, возглавляющего отдел промышленного развития префектуры Хоккайдо, и не мог отделаться от мысли: неужели строительство заводов-гигантов, электростанций проходит так гладко, неужели все эти цифры обращаются в мартены, металлоконструкции, причалы с такой же легкостью, как они преподносятся в ходе беседы приезжим журналистам?

Мне была понятна гордость чиновника, которому посчастливилось держать в руках кальки, синьки столь ответственного проекта строительства. Но я понял, что до его воплощения в жизнь существует дистанция огромного размера. На память приходили убедительные статьи и репортажи из местных и центральных газет. В них томакомайский проект подвергается серьезнейшей критике экономистов. Особенно много возражений со стороны населения, профсоюзных, общественных организаций вызвало освоение восточного района Томакомая. Печать отмечает, что местные власти за счет налогов с размещающихся здесь промышленных предприятий крупных монополий рассчитывали пополнить свою казну и обещали поднять благосостояние народа. Однако это оказалось не так. Цены на товары, спрос на продукты питания, транспорт растут, условия труда и социальное обеспечение ухудшаются. Здесь, на Хоккайдо, как и в других районах Японии, расход на социальные нужды составляет всего лишь 6 процентов валового национального продукта. Способная молодежь стремится подыскать себе «дело» понадежнее где-нибудь в центре. Бросает отчий дом на Хоккайдо.

Уменьшение населения Хоккайдо иные социологи рассматривают так: первый поток беженцев приходится на двадцатые годы, то есть через полвека после освоения острова. Второй — опять-таки через 50 лет. Но дело, видимо, все-таки не в этом. Я беседовал с жителями Хоккайдо — крестьянами, с людьми, наделенными властью. И у меня создалось впечатление, что их беспокоит будущее острова. Тревога связана с земельными сделками монополий, спекулирующих землей, с неурядицами в сельском хозяйстве, в животноводстве. Все это, по их мнению, в конечном итоге и приводит к продолжающемуся оттоку населения с Хоккайдо. Можно сказать, что остров стал своеобразным зеркалом, в котором отражаются острые противоречия между трудом и капиталом в современной Японии.

КАВАЛЕРЫ СОВЕТСКОЙ МЕДАЛИ

Рваные свинцовые тучи, сильный ветер, грозно рокочущие, громадные волны Охотского моря накатываются на припорошенный девственно чистым снегом берег. Пустынно здесь в эту пору года. Рыбацкие лодки вытащены на отмель, снасти заботливо укрыты брезентом. Там будут они покоиться до весны. Заколоченные крест-накрест окна и двери сараюшек так останутся тоже до лучших дней.

Суровы в этом крае на самом севере острова Хоккайдо зимы. В такую стужу ставить сети не будешь.

— Кормиться надо — у каждого ведь семья. А цены растут, как сорняки,— первым подал голос Сицидо-сан. Он в поселке Саруфуцу старожил. Все перевидал.

— Спасибо, что с Россией торгуем, с нашей соседкой. А то бы...— это говорит Масаки.

Он тяжело поднимает набухшие веки, докуривает сигарету и швыряет ее в сугроб.

Сицидо-сан стоит, широко расставив ноги, будто врос в песок отмели. И не скажешь, что ему за 70. Глядит на пенную волну, потом поднимает руку, указывая вдаль:

— Много бурь прошло, но тот декабрьский день 1939 года мы, старики, никогда не забудем, и вот те скалы.

Лодки, рыбачьи промысловые суда стараются подальше держаться от коварных рифов. Но 13 декабря 1939 года советскому пароходу «Индигирка» не удалось избежать встречи с ними. «Индигирка» шла с Камчатки курсом на Владивосток. На борту находилось 1 064 пассажира — рыбаки и их семьи. Возвращались к родным очагам после осенней путины. Налетел ураган. Волны перекатывались по палубе, громили и рушили все на своем пути: мачты, надстройки, такелаж... А когда был выведен из строя рулевой механизм, судно стремительно понесло на рифы. Получив сразу несколько пробоин, «Индигирка» легла на правый борт, прошли считанные минуты, и ее корпус наполовину погрузился в ледяную воду...

«Произошла одна из самых больших трагедий в истории мореплавания, в результате которой погибло более 700 человек»...— эти слова высечены на русском и японском языках на черном граните плиты, установленной рядом с памятником погибшим. Памятник воздвигли недавно. На мраморном постаменте стилизованные человеческие фигуры, взявшись за руки, склонились над сферой земного шара — символ единения людей наших стран в борьбе со стихией. Мрамор для постамента прислали сюда сибиряки. А японский скульптор И. Сакеси придал серым плитам форму корабельной палубы, уменьшенной во много раз палубы затонувшей «Индигирки».

— Да, мы спасали советских моряков,— сказал Сицидо-сан,— Масаки-сан тоже был с нами.

Он называет и других земляков: Котаро Сато, Дин Гиндзо, Кимура Тоусако. О себе ни слова.

— Первым в воду бросился Сато-сан. Добрался до судна. Разбил люк и спустился в затопленный нижний отсек...

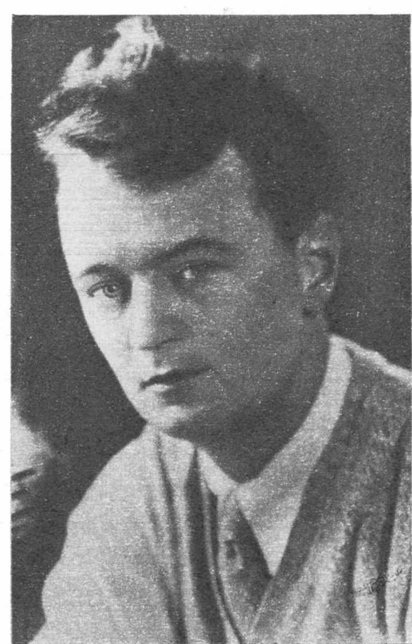
Несколько часов пробыл Сато-сан на затонувшем пароходе, помогая людям выбраться из ледяного плена. Рядом с ним был Сицидо-сан.

Котаро Сато исполнилось 80 лет, но он до сих пор выходит в море на промысловый лов. «Слышать вот стал хуже, да глаза уже не те»,— говорит он о себе.

Вечером старики собрались на берегу моря в доме японо-советской дружбы. Их лица светились улыбками. На груди у них поблескивали советские медали «За спасение утопающих».

Токио, по телефону.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ТАК НАЧИНАЛСЯ АФИНОГЕНОВ

Сегодня ему исполнилось бы семьдесят. Он мог бы вычитать корректуру юбилейного собрания сочинений, увидеть премьеры своих пьес, пройти по улице Афиногенова в родном городе Скопине. Я иду по этой улице, по этому городу. Он знаком мне из писем Афиногенова, из воспоминаний его друзей, из рассказов 95-летней матери, Антонины Васильевны, с которой я в эти дни встретился...

Фотографии сохранили Афиногенова молодым. На одной из них — фургон, обитый ситцем, оклеенный листовками и плакатами. Высокий юноша, облокотившийся на колесо телеги,— Саша Афиногенов. Старая гимнастерка подпоясана широким ремнем. В нагрудном кармане — десяток мандатов и неизменная записная книжка. Не одну сотню верст исколесил он на «агиттелеге» по разбитым проселкам Скопинского уезда, разъясняя крестьянам декреты о замене продразверстки продналогом, призывая на борьбу с разрухой, на помощь голодающим...

Скопин — родина драматурга, маленький провинциальный городок. Ветер революции сорвал и расшвырял вывески с двуглавым орлом. Новые, будоражащие слова ворвались на улицы и площади. Они на кумачовых полотнищах, на облупленных стенах, на мандатах из оберточной бумаги... Они в выступлениях юных трибунов.

Скопин — боевая юность Афиногенова. В четырнадцать лет он вступает в комсомол и пишет первые стихи; в шестнадцать — пламенный агитатор, выполняющий ответственные задания городского комитета, в семнадцать — член редколлегии уездной газеты «Власть труда», автор трех книг. Итогом трех лет может служить характеристика, выданная Афиногенову накануне отъезда в Москву: «Настоящим Уездный Комитет РКП(б) и Уездный Отдел Просвещения рекомендуют тов. Афиногенова А. Н. как честного и добросовестного товарища, идейного работника на партийном и советском поприще, доказавшего свою трудоспособность и умение работать на пользу нового, нарождающегося пролетарского строя, товарища сознательного, развитого, проникнутого идеологией коллективизма и коммунизма».

Всей своей жизнью и творчеством Афиногенов подтвердил правоту этих слов.

Он пришел в литературу молодым и молодым ушел, оставив огромное творческое наследие. Лучшие из его пьес — «Чудак», «Страх», «Салют, Испания!», «Мать своих детей», «Машенька» — по праву считаются завоеванием советской драматургии.

Звание драматурга он считал не только почетным, но и ответственным, требующим верности коммунистическим идеалам, искренней любви к людям, неустанного упорного труда. В ответ на высказывание одного из молодых авторов о том, что надо больше и лучше писать, Афиногенов заметил: «Жить надо лучше, молодой товарищ!»

Так он думал, так он работал, так жил.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Скопин, Рязанская область.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА ЖАРОВА

В КОМСОМОЛЕ ВСЕЙ ДУШОЮ СОСТОЮ

Когда сегодня слушаешь песню «Взвейтесь кострами», невольно ощущаешь жаркое дыхание первых лет революции и великую преемственность юностью нашей страны героики этого легендарного времени.

В годы, что так светло оживают в песне, входил в поэзию и ее автор — Александр Алексеевич Жаров, входил задиристо и звонко, с гордым и ответственным званием комсомольского поэта. Писать о комсомоле и быть ему близким по духу, по внутреннему настрою дано не каждому. Такой сердечный контакт устанавливается, если в стихах, пусть несущих на себе заметные следы агитки, лозунга, призыва, читатель и слушатель угадывают живого, неповторимого человека. Такого — с искренним желанием «всю жизнь веселым комсомольцем шествовать по солнечным путям» — человека встретил читатель в первых стихах Александра Жарова, и этот человек остался в них навсегда, ибо им был сам поэт, для которого комсомол стал настоящей судьбой.

Начало его биографии — обычное для паренька, вышедшего из крестьянской семьи деревни Семеновской, что расположена на знаменитом Бородинском поле. Трудовое детство, костры в ночном, первое знакомство с грамотой, а потом с русской литературой и поэзией в сельской школе. После ее окончания Александр Жаров как сын георгиевского кавалера был принят на казенный кошт в Можайское реальное училище. Но вот пришел октябрь 1917 года, и вскоре для Жарова началась новая жизнь. В архиве поэта сохранился листок бумаги, там сказано: «Комсомольскому поэту А. Жарову. Дорогой товарищ, мы, члены и кандидаты РКСМ ячейки станции Можайск, совместно с беспартийной молодежью и взрослыми рабочими, собравшись для празднования трехлетней годовщины со дня организации ячейки, шлем тебе наш горячий коммунистический привет, как первому организатору нашей ячейки 2 сентября 1920 года...»

Сердце юного поэта бьется удивительно созвучно с большим сердцем молодой республики. И ощущение этой созвучности диктует стихи:

Наши годы не сковать
покоем.
В наши годы только
бурям петь!
В наших годах что-то
есть такое,
Вечное,
Великое,
Живое,
Что никак не может
умереть!..

В 1920 году Александр Жаров становится членом Коммунистической партии. И осенью этого же года избирается делегатом исторического III съезда комсомола. Позднее поэт расскажет в стихотворении «Ленин на Третьем съезде РКСМ» о своем впечатлении от этого незабываемого события.

Отвечая на призыв В. И. Ленина, комсомол объявил поход за знаниями. Учится и А. Жаров. Он поступает в Московский университет. Здесь он занимался в поэтическом семинаре В. Я. Брюсова. Его стихи заметили и поддержали добрыми напутствиями Горький и Луначарский. Комсомольцы, молодежь с живым интересом встречают его новые песни, агитплакаты.

Но наибольший успех выпал на долю его знаменитой поэмы «Гармонь» (1926), которая окончательно утвердила Александра Жарова в высоком звании большого комсомольского поэта. Ее рефрен:

Гармонь, гармонь!
Родимая сторонка!
Поэзия
Советских
Деревень! —

стал лирическим символом стихии новой жизни, ворвавшейся в деревню.

В его стихах оживали турбины Днепростроя и могучие копры донецких шахт, строительные площадки первых пятилеток и богатые урожаи колхозных полей, ибо запевалой многих этих героических дел был главный герой поэзии Жарова— товарищ комсомол.

Когда на нашу Родину накатился огненный вал войны, Александр Жаров выходил в грозное море со славными североморцами, совершал боевые вылеты с друзьями-летчиками, но, главное, участвовал в битве с врагом вдохновенным поэтическим словом. «Памятником нерукотворным» героям-североморцам стали его поэмы «Богатырь» (1941), «Керим» (1942), «Борис Сафонов» (1943 — 1951). Всю страну облетела замечательная жаровская песня «Заветный камень».

В мирные дни получили широкую известность его новые песни: «Грустные ивы», «Ходили мы походами», «Мы за мир» и другие. Вновь, как и в довоенные годы, А. Жаров активно включается во всенародное дело подъема хозяйства, много сил и энергии отдает работе с молодыми поэтами, долгие годы руководит семинаром в Литературном институте имени А. М. Горького. Эта жизненная и поэтическая энергия и есть подлинная, неувядающая молодость Александра Жарова — вечная молодость комсомольского поэта.

Глядя на своих сверстников, первых комсомольцев, он пишет:

Виски у многих
сединой покрыты —
Приметный след больших
и трудных лет.
А на лице все тот же
знаменитый
Неугасимый
комсомольский свет!

С полным правом можно сегодня сказать так и о самом Александре Жарове.

Бор. ЛЕОНОВ

И СУДЬБА И МЕЧТА

Стихи А. ЖАРОВА. Музыка К. ЛИСТОВА.

Не могу я на вас наглядеться,
Подмосковные наши края.
Здесь неслышно прошло
мое детство,
Здесь промчалась и юность моя.

Здесь лазурью блеснула
впервые
Надо мною небес высота.
И промолвил я: «Здравствуй,
Россия,—
Жизнь моя, и судьба, и мечта!..»

С той поры разрослись,
разгорелись
Кроны кленов, рябин и берез.
Этот ласковый лиственный
шелест
В дальний путь я с собою унес.

И в дороге в года грозовые,
Озирая чужие места,
Говорил я: «Со мною Россия —
Жизнь моя, и судьба, и мечта...»

После долгих путей-перепутий
Я стою у окошка с резьбой.
Дом родной! Если время
не шутит,
Мы слегка постарели с тобой.

Но кругом нас — сады молодые,
Изумрудных полей красота...
Здравствуй, родина! Здравствуй,
Россия!
Жизнь моя, и судьба, и мечта...

В. Сапронов, Г. Планутите (Душанбе). СЕВ.

Выставка произведений художников республик Средней Азии.

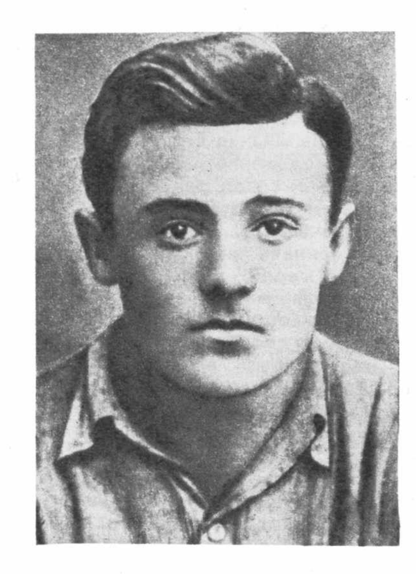

Б. Домашников (Уфа). ВЕСНА НА СТАНЦИИ.

СТРАНИЧКА ИЗ ЖИЗНИ АКАДЕМИКА КОРОЛЕВА

Будущий конструктор первых ракетно-космических систем С. П. Королев в 1925 году проходил практику в Конотопском паровозном депо.

Почти 49 лет минуло с того времени. Они стерли много воспоминаний в памяти ветеранов. Однако давнее фото и советы старых железнодорожников помогли найти машиниста, под опекой которого находился практикант Сергей Королев — студент механического факультета КПИ.

На улице Буденного, 3, в небольшом, уютном домике живут железнодорожник, ветеран труда Иван Матвеевич Гулин и его жена Клавдия Михайловна. Они внимательно рассматривают фото молодого Королева.

— Хоть и недолго был этот юноша на практике в нашем депо,— говорит бывший машинист,— но я его хорошо помню, так как помогал ему изучать паровоз и несколько раз выезжал с ним на линию. Тогда мы работали главным образом на паровозах «ЩП» и «ЕР». Очень хорошо запечатлелась в памяти его сообразительность, внимательность и жажда познать технику...

— Он даже несколько раз приходил к нам домой,— говорит хозяйка,— консультировался у Ивана Матвеевича. Часто видела его с книгами за столом возле цветника на территории депо, где летом занимались практиканты.

Дядя С. П. Королева, бывший доцент Киевского политехнического института А. Н. Лазаренко, прислал в подарок музею Конотопского паровозного депо сборник своих публикаций, посвященных творцу космических кораблей, и ряд других документов.

И. РЯБЕНКО, краевед

Конотоп.

УСПЕХА В ПОЛЕТЕ!

В предстоящем совместном полете кораблей «Союз» и «Аполлон» в составе третьего экипажа было названо имя майора ВВС Владимира Джанибекова. Его очень хорошо помнят в Ейском высшем военном авиационном ордена Ленина училище летчиков имени дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта В. М. Комарова. Да разве можно забыть одного из лучших курсантов! Ни для кого не явилось неожиданностью, что Владимир Александрович в 1970 году был принят в отряд космонавтов.

Окончив в 1961 году с золотой медалью Ташкентское суворовское училище, он поступает на физико-математический факультет Ленинградского государственного университета. Но душой молодой парень тянулся к небу. Мечта, энергия и задор привели юношу в аэроклуб. Здесь он впервые почувствовал, как бездонное небо держит в ласковых ладонях самолет.

На семейном совете было решено — поступать ему в летное училище. Владимир становится курсантом. В училище он отличался трудолюбием и серьезностью. Это видно по его учебной карточке.

За весь срок обучения он сдал 52 предмета, из них отлично 44 предмета, хорошо — 8. Когда Владимир впервые поднялся самостоятельно в воздух, мир рукоплескал Юрию Гагарину, первому человеку Земли, покорившему космос. На четвертом курсе Джанибекова как лучшего переводят для прохождения обучения на сверхзвуковую технику.

Приближался день окончания училища. В сентябре 1965 года младший сержант Джанибеков допускается к государственным экзаменам, выдерживает их с честью и заканчивает училище с отличием, получает диплом летчика-инженера. Пять лет Владимир Александрович умело, с высоким чувством ответственности занимался воспитанием летных кадров для ВВС страны.

От всего сердца желаем В. А. Джанибекову отличного здоровья, успехов в подготовке к совместному полету с американскими космонавтами.

Виталий ГАПОН, редактор стенгазеты училища «Комсомолец».

Ейск.

НЕРАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Первая медаль, посвященная великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, была выпущена Монетным двором Петербурга в 1862 году — к 25-й годовщине со дня гибели поэта. Автор — талантливый русский медальер, академик Чукмасов.

С того времени вышло в свет более 300 медалей, связанных с именем Александра Сергеевича. В моей пушкиниане сейчас хранится около 200. Об интересной судьбе одной из этих медалей мне хочется рассказать.

Май 1945 года, только что подписана капитуляция фашистской Германии. Заброшенные войной в Берлин, встречаются два солдата — чехословацкий и советский. На память об этой встрече они обменялись сувенирами.

20 лет спустя, в 1965 году, когда весь советский народ отмечал 20-летие со дня окончания войны, известный нумизмат из Чехословакии Отто Гербер прислал эту медаль мне в дар, узнав, что я собираю пушкиниану. Оказывается, он и был тем солдатом, который получил медаль с изображением А. С. Пушкина от русского солдата, имя которого он, к сожалению, забыл.

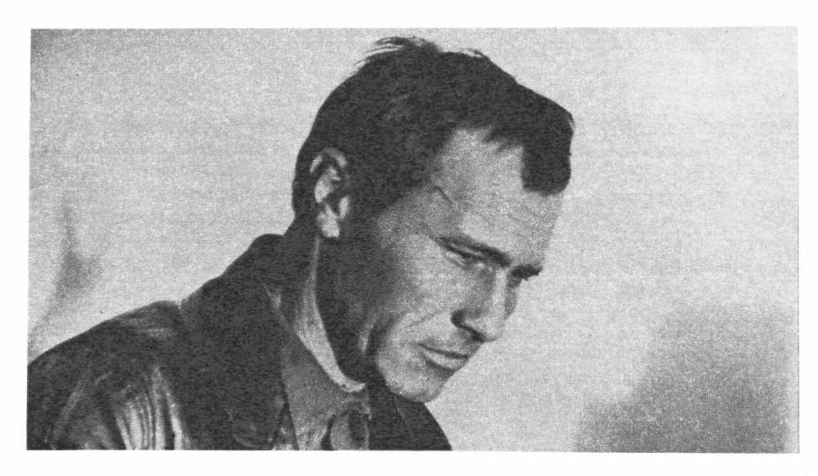
Медаль оказалась редкой, неизвестен был и ее автор. Я обращался в музеи А. С. Пушкина Москвы и Ленинграда, во многие другие музеи, но нигде мне не смогли назвать имя автора. Тогда я обратился к известному знатоку пушкинских медалей А. А. Войтову, автору каталога «Медали, жетоны, медальоны, посвященные А. С. Пушкину», но и он не смог помочь мне.

В 1971 году «Ленинградская правда» опубликовала заметку А. Гдалина «Тайна пушкинской медали раскрыта», где высказывалось предположение, что авторами медали являются преподаватель художественного училища города Павлово-на-Оке И. Ф. Гришаев и его ученик В. Ильинов. После двухлетних поисков мне удалось разыскать В. В. Ильинова (он работает гравером на одном из заводов Свердловска), который подтвердил, что, когда он учился у И. Ф. Гришаева, была попытка создать похожую по композиции медаль, но в дальнейшем пуансон был испорчен.

Так и хранится эта медаль в моей пушкиниане, не имея точных «анкетных данных».

Ю. СТРИГУНОВ

Ленинград.

В. Шукшин в роли Егора Прокудина

КИНО

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ

Ю. ЛУКИН

Еще недавно о существовании повести Василия Шукшина «Калина красная» знали сравнительно немногие люди: читали ее в журнале «Наш современник». Сейчас трудно найти человека, который не видел бы кинокартину, поставленную по этой повести на студии «Мосфильм», или не слыхал о ней.

В. Шукшин и облегчил решение ряда художественных задач и намного осложнил их, взяв на себя и написание сценария, и постановку фильма, и исполнение главной роли. Рекомендовать такую практику для широкого применения вряд ли возможно. Но, как хорошо известно, победителей не судят. А победа одержана большая.

Трудно бывает по-настоящему понять и объяснить, чем покоряет зрителя истинное искусство. Иной раз бывает оправданным возникновение своего рода эмоциональной мозаики, складывающейся из воспоминаний о наиболее понравившихся или непонравившихся эпизодах, кадрах; из стремления заново пережить, прочувствовать наиболее поразившие моменты, игру актеров, всмотреться в то, как и ради чего использована та или другая деталь...

Есть произведения, которые хочется смотреть не один раз; показывать их своим друзьям, близким, чтобы видеть, какой отклик пробуждается в их душе; думать об этих произведениях, говорить с разными собеседниками, споря или приходя к согласию.

Такова «Калина красная».

Что же так привлекает в ней?

Вот он на экране — герой повести и фильма, человек нелегкой судьбы Егор Прокудин, угловатый, изломанный; умеющий оказаться едким и нагловатым, но умеющий и страдать и быть по-мужски нежным; тяжело оступившийся в жизни, пошедший по кривым дорогам, но порою мучительно казнящий себя и не потерявший надежду на то, что не весь «проигрался», что еще может стать для него жизнь «праздником» доверия, радости, человеческой гордости. Своеобразно окрашивает его портрет то горьковатый, то бесшабашный и беззлобный юмор. Удивительно просто и удивительно четко, без единой фальшивой ноты в малейших подробностях переживания, поведения написан, решен, сыгран этот характер. Не знаю, ставил ли перед собою В. Шукшин задачу учиться у больших мастеров классической русской прозы, но пути познания характера и его изображения он выбрал те же самые. Борьба противостоящих друг другу нравственных начал в человеке, трудное преодоление многого в самом себе, высокая радость освобождения и торжества прекрасного, человеческого... Смысл драматичного финала кинокартины в том, что герой собственной жизнью расплачивается за совершенные им жестокие ошибки, но даже смертью своей он торжествует, недосягаемо возвышается над враждебными ему и всем людям силами. Он физически гибнет, но утверждает себя как человек.

Сам автор так сказал о своих целях: «Я хочу, чтобы фильм был предупреждением для тех, кто в изломанной жизни Егора, в его кривом и скользком пути хочет найти романтику, игру, думает, что это дорога легких побед и наслаждений. На самом деле это тяжкий и безрадостный путь, на котором за каждый шаг человека ждет расплата...» А говоря о героине фильма Любе, В. Шукшин подчеркивает ее «яркую индивидуальность, с непоколебимым стремлением к спокойной, трудовой деятельности», особо отмечая то, что Люба «становится для Егора необходимым человеком».

А теперь немного о чистых красках, о темпераменте художника, о деталях. С художественным озорством выбрана ошеломляющая неожиданностью и экзотичностью «запевка» фильма. Как эхо этой запевки, усиленное и преображенное резонансом, звучит возникающая в точно найденном месте песня на слова Есенина. Словно бы и не сочиненный автором, не сыгранный актрисой, а подсмотренный кинокамерой в самой жизни образ Любы (Л. Федосеева), столь важный для решения Егором своей судьбы. И действительно взятый непосредственно из жизни, потрясающий своей сложной правдой образ старухи крестьянки, матери Егора. В том же ключе жизненной достоверности сыграны роли отца и матери Любы (И. Рыжов и М. Скворцова), ее брата Петра (А. Ванин). Все это — глубоко человечное, до боли родное русскому сердцу: скромность в проявлении чувства, размашистость натуры, отзывчивость на чужую беду.

Есть эпизоды, которые получились не очень убедительными, менее резко, менее четко прописанными: традиционное изображение блатной «малины» (хотя главарь шайки Губошлеп хорошо сыгран Г. Бурковым), некоторые сцены в городе, дорожное приключение с районным следователем... Право, потери эти минимальны.

Автор картины смел, мужествен, бескомпромиссен в изображении своих героев, своей правды. Притом он ярко и разнообразно талантлив.

Егор Прокудин после долгого, трудного пути блуждания и обретения уже ступил на порог «праздника» жизни, которого он так ожидал.

Картина о нем стала праздником, которого всегда ожидают зрители: праздником искусства.

Сцена из фильма «Калина красная» Фото А. Кушнарева

Сцена из спектакля «Ольшанцы»

Фото Б. Рыбакова.

ДЕСАНТ В БЕССМЕРТИЕ

...Это было в марте 1944 года. Шли бесконечные дожди со снегом. Дороги на подступах к Николаеву размыло, что затрудняло передвижение танков, артиллерии, пехоты. Советское командование приняло решение направить десант, чтобы отвлечь внимание фашистов, окопавшихся в городе.

В ночь с 25 на 26 марта десантники: 55 бойцов 384-го отдельного батальона морской пехоты и 12 саперов — на рыбачьих лодках переправились из поселка Жовтневого в морской порт и заняли круговую оборону. Возглавлял десант кавалер ордена Александра Невского старший лейтенант Ольшанский. Рыбак Андрей Андреев, который сопровождал смельчаков, стал 68-м бойцом, по своей воле оставшись в отряде, когда разгорелся бой. Против небольшой группы моряков немцы бросили до трех батальонов пехоты, два средних танка, четыре орудия, огнеметы. Отряд отбил 18 атак противника, на поле боя осталось до 700 вражеских солдат и офицеров.

За героизм, мужество и отвагу все до единого участники легендарного десанта были удостоены звания Героя Советского Союза, а 384-му отдельному батальону морской пехоты присвоено наименование «Николаевский».

Героическому подвигу десантников посвящен спектакль «Ольшанцы». Он идет на сцене Николаевского областного украинского музыкально-драматического театра. Авторы пьесы — журналист А. Умеренков и главный режиссер театра, заслуженный артист УССР В. Карпенко.

О незабываемых событиях военных лет они рассказали взволнованно, страстно. На премьере присутствовал один из героев, бывший старшина II статьи, ныне работник Николаевского морского порта Н. А. Гребенюк.

Спектакль поставлен к 30-летию освобождения края корабелов от немецко-фашистских захватчиков.

В. ШАБАЛИН, главный режиссер Николаевской студии телевидения

БЫВШИЕ

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

ЖЕНЫ «НЕЧЕСТИВЫЕ»

За вызов Ици Гиршовича Меирсона его родственникам не заплатили, вероятно, и двухсот лир. В самом деле, зачем «великому» Израилю нужен немощный человек! Это в Риге Меирсон мог весьма неплохо жить, получая пенсию инвалида Отечественной войны и выполняя на фабрике «Садарс» легкую работу да еще при укороченном рабочем дне.

Но родственники в Израиле с иезуитским упорством изводили его старую мать:

— Неужели ты сможешь спокойно умереть, зная, что твой Иця женат на латышке? Неужели ты не выполнишь веление нашей веры и не разлучишь их?

Старушка пыталась переубедить окружавших ее религиозно настроенных израильтян. Иця живет с женой двадцать восемь лет, напоминала им она. Именно заботам жены обязан он тем, что перестал быть лежачим больным.

Такие человеческие доводы не тронули правоверных фанатиков. Они в конце концов заставили старушку написать Ице, что она приговорена врачами к смерти и хочет, чтобы родной сын закрыл ей глаза после кончины.

И сын незамедлительно выехал к матери.

Но приехал он к ней — какой позор для сына израилева! — с женой-иноверкой. Не решилась жена отпустить полуслепого мужа одного на далекую чужбину.

Скандал выплеснулся на улицу.

Ицю с «нечестивой» женой родственники не пустили на порог своего дома. И безжалостно потребовали:

— Прогони ее! Разведись! Тебе не потребуется даже тревожить для этого раввина — ваша загсовская бумажка здесь не имеет никакой цены.

Меирсон пытался усовестить родственников:

— Разве могу я оставить жену? Мы прожили вместе более четверти века! И как она будет жить одна на чужбине?

Последовал спокойный, деловой ответ:

— Не пропадет. Если подмажет щеки и как следует укоротит юбку, сможет подработать проституцией.

Иця Меирсон с женой пытались покинуть Израиль буквально на следующий день. Но выданная ему «Сохнутом» пресловутая «голубая книжечка» была уже испещрена долговыми записями. Учтено было все — от билета на самолет из Вены в Израиль до обедов в «курортной тюрьме», как принято сейчас называть в Вене замок Шёнау.

Чтобы как-нибудь просуществовать, Меирсон пытался устроиться на работу. Некий мелкий фабрикант сжалился над ним и согласился взять его в ночные сторожа. Разумеется, с пониженной зарплатой. Меирсон с радостью согласился.

Но его правоверные родственники многозначительно предупредили «филантропа»:

— Неужели вы решитесь взять на работу еврея, осквернившего себя браком с иноверкой? А погладят ли вас за это по головке?

Иця работы не получил. От голода в стране правоверных его спасла «иноверка», не гнушавшаяся никакой — самой черной, самой изнурительной — поденной работы...

Встретившись с Меирсоном в Вене, я спросил его, на какие средства живет он в этом городе.

— Если бы не жена,— прослезился он,— меня уже не было бы в живых...

Спустя несколько дней я побывал в печально известном доме на Мальцгассе, где ютится большинство беженцев. Окруженный шумливой толпой плачущих взрослых и стайкой детей с недетской печалью в глазах, я заметил немолодую женщину, молчаливо стоявшую в сторонке. Это была жена Меирсона.

Я спросил ее, как ей удается в Вене прокормить себя и мужа. Она просто ответила:

— Мне никакая поденка не страшна. Я крестьянка. Буду терпеливо ждать решения Советской власти. Надеюсь, нас простят. Видимо, моя вина более тяжка — ведь я оставила родную Латвию, я по собственному заявлению потеряла гражданство страны, где училась где стала человеком...— И, впервые за всю беседу вздохнув, закончила: — Нельзя представить себе, как издевались над нами в Израиле!

Да, помимо всех обычных прелестей «земли обетованной», Меирсоны еще сполна испытали на себе фанатически яростное неприятие сионистами смешанных браков.

О крайней степени этого неприятия можно судить по словам, услышанным новоприбывшими в городе Димоне от представителя местной общины:

— Смешанные браки можно лечить только хирургически: разорвать пополам и нечестивую половину отбросить!

Потому-то, видно, земляк Меирсона Иосиф Подкамень сначала не очень афишировал в Израиле, что оставил в Риге жену-латышку.

Правда, кое-кто из сообразительных родственников советовал ему сыграть на этом обстоятельстве и, как говорится, сделать карьеру:

— Напиши письмо в газету, что ты уехал в Израиль еще и для того, чтобы навсегда разойтись с женой-иноверкой. Это привлечет к тебе внимание. И ты даже сможешь вступить в какую-нибудь влиятельную партию.

Подкаменю посчастливилось найти работу по своей специальности механика по ремонту и наладке ткацких машин. Это действительно редкое везение. Например, в городе Мигдал-Хаэмин девушку, закончившую железнодорожный техникум, послали на проволочный завод, а фельдшеров — на плантации цитрусовых.

Высокая квалификация Подкаменя пришлась по вкусу владельцам ткацкой фабрики, его упорно не хотели отпускать из Израиля. Помимо обычных угроз сохнутовцев и зловещих предостережений насчет того, что в Советском Союзе каждого возвратившегося из Израиля ждет тюрьма сроком минимум десять лет, на Подкаменя пытались воздействовать еще таким аргументом:

— Сегодня распоряжаются вашей судьбой, а через несколько лет вы будете распоряжаться чужими судьбами. У вас золотые руки, в Израиле вы в конце концов откроете собственное дело.

Но Иосифу было не до этих посулов. Его уже волновало другое: как же он мог поддаться увещеваниям «добреньких» советчиков, что жена-латышка не может быть верным другом мужу-еврею, что настоящую жену-друга он найдет только в Израиле? А там родственники уже нашептывали ему:

— Только у нас жена действительно неотделима от мужа. Оставшись вдовой, она даже не имеет права выйти замуж без разрешения мужниного брата или его родственников!

Вокруг Подкаменя уже стали роиться непрошеные свахи. Его приглашали на сборища сионистов, подчеркивая, что среди них немало одиноких женщин. Широко рекламируемое израильской прессой бюро сватовства под названием «голда» прислало к Иосифу своего назойливого агента.

И Подкамень бежал из Израиля. Бежал, оставив в полном недоумении и «ласковых» хозяев и фанатичных родственников.

Сейчас в Вене свободное время Подкамень посвящает переписке с женой. Она работает на одном из рижских заводов, составляющих славу латвийской промышленности. В обшарпанной комнатушке на Мальцгассе, где Подкамень снимает угол, читает и перечитывает он письма из Риги и тут же строчит ответы — не очень короткие. Он дает жене бесконечные советы по поводу того, как ускорить его возвращение в Советский Союз.

— Знаете,— говорил мне со вздохом Иосиф Подкамень.— Около дома на Мальцгассе меня иногда подлавливают сохнутовцы и агенты венской сионистской организации. Они меня стараются убедить, что если меня пустят в Советский Союз, то все равно я попаду под суд. Они не знают, что самым страшным судом я уже осужден. Самим собой.

«МАМА, КТО ЭТИ ТЕТИ!..»

В тот весенний вечер сорокалетний инженер Игорь Израилевич Злоцкий, недавний сотрудник московского Гипрокино, вышел на улицы Тель-Авива в далеко не отличном настроении. Только что ему объявили, что утром он должен отправиться в город Натанья для шестимесячного обучения языку иврит в тамошнем ульпане — так называются эти специальные курсы для олим.

— Вам повезло,— бодро сказал Злоцкому чиновник мисрада.— Не будь вы строителем, вам еще не одну неделю пришлось бы ожидать направления в ульпан. Правда, должен вас предупредить,— доверительно продолжал чиновник,— директор натанийского ульпана недавно специально протелефонировал нам, чтобы к нему посылали поменьше олим из Со-

См. «Огонек» №№ 14, 15 за 1974 г.

ветского Союза. Во-первых, они своим мрачным настроением действуют ему на нервы, а во-вторых, господин директор просто... не очень уважает советских евреев. А вы, как назло, из самой Москвы. Так что постарайтесь произвести на него хорошее впечатление.

Но к тому моменту израильский образ жизни успел уже произвести на Злоцкого столь отвратительное впечатление, что он сейчас думал не о директоре натанийского ульпана.

Инженер досадовал на самого себя: как же он не догадался, что письмо, полученное им от богобоязненной тещи о том, что у его бывшей жены Галины, уехавшей в Израиль, отнялись ноги от тоски по оставленному мужу, что Галя без него угасает — все это было продиктовано хитро задуманным планом. Мать и дочь решили любой ценой заполучить в Израиль Игоря, с которым, кстати, Галина Эйнаховна легко и без всяких переживаний развелась перед отъездом к матери...

...Подавленный невеселыми мыслями, Злоцкий вышел на каменную набережную Гаяркон. Он даже не замечал мелкого, назойливого дождя, разогнавшего прохожих.

Вдруг кто-то преградил Злоцкому дорогу. Подняв глаза, Игорь Израилевич увидел немолодую, ярко накрашенную женщину. До предела декольтированная, она пыталась соблазнительно улыбаться.

— Пойдем со мной,— услышал Злоцкий ее жалобный голос,— я тебя развеселю.— Сказано это было, кстати, на идиш: тель-авивские проститутки, как лица неофициальные, не считают для себя обязательным зазывать клиентов на иврите.

Не успел Злоцкий опомниться, как послышался голос более юной конкурентки:

— Зачем такому красивому мужчине старуха! Он пойдет со мной.— Она взяла Злоцкого под руку.— Правда?

Тут же к Злоцкому поспешили еще две женщины. Злоцкий резко выдернул руку и побежал. Вслед ему неслись восклицания, дословный перевод которых печатные страницы не выдерживают.

И лишь самая юная проститутка, пытаясь догнать ускользнувшего клиента, кричала:

— Ты, наверно, сейчас занят. Приходи сюда в пятницу вечером. Я буду ждать!

Уже потом Злоцкому объяснили, что пятничный вечер — это своеобразные часы «пик» для женщин вроде той, что пыталась его догнать на набережной Гаяркон. В эти часы вплоть до субботней полуночи все на израильских улицах замирает. Покорные законам религии, владельцы закрывают рестораны, магазины, кинотеатры. Автобусы не ходят. Делом заниматься нельзя. И проститутки стараются максимально использовать эти часы.

— Получается, религиозные правила распространяются на все, кроме проституции,— удивился по прибытии в Израиль бывший житель Ташкента Урман.— Куда смотрит всесильный раввинат? Подумайте, как я могу объяснить моей восемнадцатилетней дочери, что у вас поощряется проституция?!.

Хитро подмигнув, тель-авивский парикмахер из старожилов успокоил наивного о л и м:

— Скажите вашей дочери, что даже в священных книгах говорится о наложницах. Правда, тем платили дорогими тканями и драгоценными каменьями, а не лирами. А что касается субботнего дня, то священные книги запрещают в день субботний прикасаться только к жене своей и рабыне. Насчет проституток там ничего не сказано.

Лею Шор из Кишинева поразила покорность, с которой коренные израильтянки мирятся с проституцией, все шире и шире растущей.

— Ничего не поделаешь, мужчины есть мужчины,— слышала не раз Лея.— Проститутка в конце концов не такое дорогое удовольствие. Гораздо хуже будет, если мужчина заведет себе любовницу — вот это дорого обойдется жене и детям.

Откуда все-таки у большинства израильтянок такое смиренное терпение к явлениям, посягающим на их семейный очаг? Ответом на этот вопрос могут стать документальные признания депутата кнессета Хайки Гроссман. В них говорится, как министерство религии (а это одно из самых влиятельных израильских учреждений!) настойчиво узаконивает любые изуверские наставления талмуда о полной зависимости женщины от мужчины. «Имеется немало молодых вдов,— отмечает Хайка Гроссман,— мужья которых пали в шестидневной войне и которые ради «халицы» (разрешения от родных покойного мужа на вторичное вступление в брак) вынуждены платить разоряющий их выкуп родственникам покойного. Они делают это по совету раввина, так как у них нет другого адреса для разрешения этой проблемы, не ведомой ни одному другому государству». В упомянутом документе говорится и о трагическом положении брошенных мужьями «агун» (соломенных вдов), лишенных права даже помыслить о создании новой семьи, и об унизительной для женщин церемонии «явум» — бездетная вдова по принуждению становится «ущербной» (то есть законно бесправной) женой брата покойного мужа.

Может быть, более независима в Израиле женщина с высшим образованием, так называемая «академаим»? Убедительный ответ дает такое, к примеру, объявление в газете «Наша страна» от 17 августа прошлого года:

«Для моей дочери, 27 лет, рост 1,6, разведенной, ОЧЕНЬ КРАСИВОЙ, с высшим образованием, с собственной квартирой и машиной, ИЩЕМ хорошего человека с высшим образованием в возрасте до 35 лет. Просим писать нам по адресу Раанана, почт. ящик 138».

Только горькую улыбку может вызвать упоминание о высшем образовании невесты, рекламируемой с целью выгодной продажи. Ведь это объяснение, словно нарочно, помещено под интервью советника министерства абсорбции, где он отмечает «весьма тяжелые осложнения» в трудоустройстве «академаим», особенно женщин, и предсказывает, что в ближайшее время следует ожидать катастрофически массовой безработицы среди о л и м с высшим образованием, и опять-таки «особенно среди женщин».

Значит, далеко не случайно в числе женщин, чьи фотографии можно увидеть в альбомах наиболее респектабельных домов свиданий, есть немало «академаим»!

А министерство религии продолжает утверждать, что моральным устоям общества угрожает вовсе не проституция, а смешанные браки, столь обычные для семей бывших советских граждан.

Можно ли после этого удивляться стремительному росту проституции в Израиле?

Выборочные социологические обследования показывают, как резко с каждым годом увеличивается число подростков, вступающих в связь с проститутками. Вот как в городе Герцлие компания местных школьников «мило подшутила» над стариком, бывшим жителем Черновиц, приехавшим в Герцлие по делу. Старик попросил показать ему гостиницу поскромнее, где с него недорого возьмут за ночлег. Юнцы участливо вызвались проводить почтенного незнакомца в самую дешевую гостиницу города. Поблагодарив провожатых, старик вошел в вестибюль.

Тут же он был окружен стаей полуголых молодых женщин. Испуганный старик метнулся к стойке, за которой стоял пожилой человек — то ли владелец, то ли приказчик. Он деловито осведомился у старика:

— Вам комнату на время? Или на всю ночь?

Как не трудно догадаться, молодые шутники привели старика в замаскированный под гостиницу публичный дом.

Об этих и подобных им эпизодах беженцы рассказывали не для зубоскальства. Ведь многие приехали в Израиль с молодыми дочерьми. Можно себе представить состояние родителей девушек, лишенных возможности учиться и не сумевших найти работу.

— Не мог же я держать дочь целый день взаперти в четырех стенах, да еще обшарпанных,— невесело вспоминает Михаил Урман.— Когда она говорила мне, что пойдет прогуляться, у меня сердце замирало!

Встревоженные родители к тому же успели приметить юрких маклеров, оценивающим взглядом рассматривающих новоприбывших девушек. Один из таких «посредников», готовых «устроить судьбу» девушки, как-то подкатился к супругам Шор:

— Неужели вашей дочери всего пятнадцать год? Ей-богу, ее сложению позавидует двадцатилетняя. Наверно, девушке хочется модно приодеться и потанцевать в шикарном ресторане. Не мешайте же ей в молодости порезвиться...

Нелегко в такой обстановке воспитывать детей. Что могла ответить Клара Розенталь своей дочурке Тане, когда девочка засыпала ее вопросами:

— Мама, кто эти тети с папиросками? Почему они стоят по вечерам на улице? Почему хватают за руки почти каждого дядю? Разве их дочкам не страшно дома, когда мамы на улице?

А что могла сказать своей двенадцатилетней дочке женщина из Черновиц, когда на глазах девочки произошел такой случай?..

Поезд шел из Беэр-Шевы в Хайфу. Среди пассажиров набитого до отказа общего вагона было несколько молодых женщин в воинской форме. Девочка с восхищением разглядывала блестящие пуговицы и яркие нашивки на их мундирах.

Взрослых же, в том числе и Зельмана Хаимовича Шаптеваня, бывшего сотрудника кишиневского «Молплодовоща», поразило другое: именно эти девушки на глазах у детей с откровенной вульгарностью заигрывали с молодыми пассажирами. А затем уединялись с ними в купе, с грохотом защелкнув дверной замок. Одна пара сменяла другую.

Наконец какой-то пожилой мужчина не выдержал и возмущенно воскликнул:

— Какие бесстыдницы! Хоть бы детей постыдились!

И тут в разговор вмешалась молодая женщина, нехотя оторвавшаяся от увлекшей ее книжки:

— А что тут страшного! Армейские девушки могут себе это позволить. Не так часто им дают отпуск. А главное, в их воинский паек входят такие, слава богу, проверенные противозачаточные средства, которые в обычных аптеках не всегда купишь. А если и можно достать, то цена, ой, как кусается! Нам они не по карману.

БОЛЬШИЕ ГОРЕСТИ МАЛЕНЬКИХ СЕРДЕЦ

Адрес получателя: город Беэр-Шева, Шикун далед (Рамбан), 44. Уманской Майе.

Адрес отправителя: Тель-Авив, секретариат премьер-министра государства Израиль.

Дрожащими пальцами Майя Уманская распечатала долгожданный пакет. Пробежала глазами несколько строчек. Бессильно опустила руки.

Почему бухгалтер Уманская, оставившая с двумя дочерьми родной Киев, вынуждена была обратиться лично к госпоже Голде Меир?

Четырехлетняя дочка Майи, и без того не очень-то здоровая, сильно простудилась и опасно заболела. Зная, что о л и м имеют в течение первых шести месяцев право на льготное лечение, Майя отвезла дочку в госпиталь.

Девочку там оставили. Но шесть дней спустя вызвали мать.

— У вашей дочки заболевание хроническое, заберите ее домой.

Мать обомлела. Куда она может взять больного ребенка? Ведь у нее нет квартиры в самом скромном понимании этого слова. Зима. Погода меняется чуть ли не каждый день: то из пустыни Негев дуют сухие ветры, то моросит холодный дождь. А простуда грозит девочке серьезными осложнениями.

Уманская отказалась забрать больную дочку из госпиталя. Тогда госпитальная администрация вызвала полицейских. И те немедленно выдворили больного ребенка из здания госпиталя.

К кому бы ни обращалась обезумевшая от горя мать, все только разводили руками: хронических больных бесплатно в госпитале не лечат: порядок есть порядок!

Уманская обратилась в кнессет — израильский парламент. Вскоре прибыл ответ, полностью повторявший то, что женщина слышала в местных учреждениях.

Соседки посоветовали Майе:

— Напиши лично Голде Меир! Она не только премьер-министр, но и мать. Она отзовется на твое безвыходное положение, она поможет тебе.

Что ж, мать «помогла» матери.

Секретариат госпожи Меир известил Уманскую, что госпожа премьер-министр не располагает, к сожалению, возможностями сделать

исключение из существующих правил, введение которых вызвано весьма недостаточной еще сетью лечебных учреждений.

В коридорах министерства здравоохранения, куда обращалась Майя Уманская, можно было встретить грустного пожилого мужчину, с отчаянием бросавшегося из одной комнаты в другую. Что же привело его, приехавшего из Венгрии продавца, в министерство?

Продавца с семьей поселили в одном из поселков близ Мертвого моря. Вскоре одновременно заболели двое детей. Врачи определили:

— На детей губительно влияет здешний климат. Им надо жить в более зеленой зоне.

А один из врачей доверительно добавил:

— Честно говоря, сердечно-сосудистой системе ваших детей вообще не подходит климат нашей страны.

Отец обратился с заявлением в иммиграционные органы: либо переселите меня в один из озелененных городов, либо разрешите выехать из Израиля.

Над ним злорадно посмеялись:

— Какой ты умник! Еще до тебя барон Ротшильд говорил, что под наше государство выбрали территорию с неважным климатом. Барон считал, что Израилю лучше было бы расположиться на земле Уганды. Но теперь уж не умничай: если ты приехал в Израиль, то будь любезен жить там, где Израиль находится.

— Мои дети могут стать инвалидами,— взмолился отец.

— А ты закаляй их,— посоветовали ему.— Не надо воспитывать неженок.

Как и Майя Уманская, отец двух больных детей не нашел поддержки и в министерстве здравоохранения...

Многие олим приехали в Израиль с детьми. Большинство родителей, как рассказывает Борис Левит, рассуждали так:

— Дети легко отвыкают и еще легче привыкают. Им будет легко акклиматизироваться.

Оказалось, труднее, нежели вросльм. Но всего труднее детям, родившимся в социалистической стране, свыкнуться с моральным климатом Израиля.

Юра Мамествалов родился 12 апреля 1961 года. И, естественно, он гордится тем, что носит имя первого в мире космонавта, покорившего космическое пространство в день его рождения. Какое отчаяние овладело мальчиком, когда в израильской школе его имя было признано «нееврейским»! Мальчику предложили выбрать себе другое, истинно еврейское имя. Юра, конечно, отказался. Тогда учительница сказала ему:

— В моем классе ты будешь не Юра, а Юдко.

Потрясенный мальчик несколько дней не ходил в школу.

Приблизительно то же самое и по такому же поводу пришлось выдержать и подростку из Львова Юре Ковригару.

Одиннадцатилетним близнецам Игорю и Олегу Кароль из Минска пришлось превратиться в Игала и Эли. Мальчики взволнованно спрашивали взрослых:

— Разве наших имен надо стыдиться?..

Дети, приехавшие из Советской страны, с нескрываемым ужасом глядят на своих сверстников, обучающихся в религиозных школах. Их внешний вид производит зловещее впечатление на ребят. Мальчики обязаны носить черные сюртуки и шляпы. А девочки даже в жару облачены в платья до пят и высокие чулки.

Но именно при религиозных школах созданы интернаты. И по материальным соображениям некоторые семьи принуждены отдавать детей в такие школы. Это вызывает отчаянный протест ребят. Когда Рите Шор показалось, что ее пошлют учиться в религиозную школу, с ней случился истерический припадок.

А сколько горьких слез пролили минувшей осенью детишки, привезенные «на землю отцов» из Советского Закарпатья! Сочтя их родителей наиболее «податливым материалом», власти срочно создали ульпан-интернат специально для этих детей. В официальном объявлении было сказано, что он создается «для изучения иврита и иудаизма детьми в возрасте от 6 до 14 лет». Родителям отданных в религиозную кабалу детей были обещаны кое-какие материальные блага. На широковещательные объявления родители не откликнулись — и тогда по заранее подобранным адресам стали ходить представители раввината в сопровождении вербовщиков из специализированного ульпана. И напуганные дети несколько дней кряду боялись высунуть нос на улицу — вдруг схватят вербовщики да насильно увезут в ненавистный интернат!

Подобные факты показывают, как своих новых граждан религиозные власти Израиля настойчиво пытаются с юных лет отторгнуть от всего человеческого, от полнокровной, содержательной жизни. И вспоминаются выразительные слова писателя-демократа Ицхок Лейбуша Переца, не в бровь, а в глаз разящие современных израильских фанатиков: «Мы не хотим выпускать из рук общечеловеческое знамя и не хотим сеять ни шовинистическую дикую полынь, ни фанатический терновник тунеядской философии».

О том, что эта шовинистическая полынь цветет в Израиле, можно судить по тем мучительным унижениям, на которые приходится идти матерям-«иноверкам» ради того, чтобы их детей считали рожденными от еврейки и признали полноправными израильскими гражданами. Ранее проживавшая в Риге Любовь Гордина встретила в Израиле молодую женщину, вынужденную омывать себя в ритуальной бане при нескольких представителях раввината. После этого унизительного ритуала, без проведения которого ее не сочли бы обращенной в иудаизм, женщина поседела.

Откуда бы ни привезли ребят — из Литвы, с Украины, из Грузии, никак не могут они примириться с отсутствием в школьной программе русского языка. И с горьким сожалением, даже со слезами вспоминают оставленные на родине любимые русские книжки.

Мальчик из Ташкента привез с собой в Натанью «Записки охотника» Ивана Тургенева. И началось паломничество к нему малышей, которых, как и его самого, родители лишили родины. Книжку выпрашивали на ночь, хоть на несколько часов, предлагали за нее залог.

Чтобы хоть как-нибудь утолить тоску своей тринадцатилетней дочери Лизы по русскому языку, Исаак Ваншенкер купил для нее номер газеты «Трибуна», издающейся на русском языке. Девочка интересуется спортом и сразу же начала читать футбольное обозрение. Но через несколько минут с раздражением вернула отцу газету:

— Если бы я в пятом классе так написала диктант, то получила бы жирный кол! Это не русская газета, это газета грамматических ошибок.

Израильские школьники зачастую не верят рассказам новоприбывших ребят о советской школе, о пионерских лагерях, о развлечениях и досуге. Та же Лиза Ваншенкер как-то поделилась со своими одноклассницами:

— Дома мы один раз в месяц ходили всем классом в какой-нибудь театр на утренники. Хотела бы я знать, какой новый спектакль выпустил наш ТЮЗ — туда мы ходили особенно часто!

Школьники, искренне уверенные в том, что Лиза привирает, что никаких театров специально для детей нигде нет и в помине, рассказали о Лизиной «брехне» классному наставнику. А тот, придя в класс, благодушно «успокоил» своих учеников:

— Лиза не лгунья. Она просто большая фантазерка. Фантазирует, фантазирует, а потом сама начинает верить своим фантазиям. Ничего, это у нее пройдет.

Лиза спорила, доказывала, горячилась. Но весь класс только дружно смеялся над ней. А кличка «фантазерка» так и осталась за девочкой, мучительно травмированной таким отношением к ее правдивым словам.

Привезенные в Израиль из социалистических стран, дети никак не могут воспринять новый смысл таких слов, как «забастовка», «хозяин», «биржа труда». Особенно раздражает ребят равнодушие школы к фактам, с их точки зрения, потрясающим.

В городе Холоне по наущению фабриканта был избит один из местных коммунистов, призывавших рабочих к забастовке. Узнав об этом, двое приехавших из Советского Союза ребят предложили своим соученикам написать от имени всего класса письмо в газету. И очень переживали, встретив отказ. Особенно их поразило то, что именно дети рабочих побоялись поддержать их предложение!

Так искажается представление ребят о нравственных обязанностях, травмируется их сознание, калечатся их души.

Ребята беспрерывно слышат разговоры взрослых о войне — это убийственно влияет на них.

Война! Расплата! Месть!

Такие зловещие призывы разносит израильское радио. Они тягостно отражаются на самочувствии и настроении детей.

— Для наших ребят, родившихся на советской земле, слово «мир» было едва ли не одним из первых услышанных ими слов, — делится своими мыслями Клара Розенталь.— О мире им рассказывали в школе. О борьбе за мир читали они в детских журналах, слышали по радио и телевидению. И вдруг все совершенно противоположное: война, война, война! И дети заметно нервничают. Вспоминают рассказы родителей про дни гитлеровского нашествия, про воздушные тревоги, бомбежки. Один мальчик из Кишинева возбужденно напомнил маме, что надо поскорее узнать, где находится в Пардесхаце ближайшее бомбоубежище... Как вы знаете, врачи установили, что многие новоприбывшие взрослые заболевают в Израиле нервным расстройством. Может быть, во мне говорит не только медик, но и мать, но я утверждаю: это в полной мере (а возможно, и в большей!) относится и к детям.

Врач-невропатолог Иосиф Григорьевич Бурштейн, не знающий о моей беседе с Кларой Розенталь, полностью подтверждает и развивает ее выводы:

— Многие взрослые люди, угнетенные неожиданной для них тяжелой израильской действительностью, впадают в депрессию. Это не раз приводило их к самоубийству. Так покончили с жизнью москвич Семен Ладыженский, москвичка Каплан, несколько женщин из Грузии. Дети же реагируют на подстерегающие их огорчения по-иному: повышенной возбудимостью, болезненной недоверчивостью, безотчетным страхом перед окружающими.

Словно подтверждая выводы врача, маленькая Далико Шамелашвили простодушно рассказывает:

— А вы знаете, в Израиле дети почему-то очень боятся офицеров. Те ходят важные, хмурые, ни на кого не глядят. Сначала я смеялась над своими новыми подружками: что вы, у нас даже генералов никто не боялся!.. А потом я тоже старалась не попадаться на глаза офицерам...

Еще раньше мне пришлось слышать от взрослых беженцев, что израильские офицеры вышагивают по улицам с какой-то подчеркнутой надменностью и высокомерием, как бы подчеркивая свое кастовое величие.

И Далико по-своему выразила это:

— Идут офицеры, а кажется, что идет война...

Эти впечатляющие слова девочки, чья мать покончила на израильской чужбине самоубийством, я вспомнил, слушая взволнованную речь генерального секретаря Всемирного Совета Мира Ромеша Чандры на закрытии Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве.

Выдающийся деятель международного движения за мир показал многотысячному залу пачку адресованных конгрессу открыток и листочков с надписями, рисованными буквами и незамысловатыми детскими рисунками. Просто и выразительно сказал Ромеш Чандра, что во многих уголках земли дети инстинктивно чувствуют устрашающую опасность войны и болезненно реагируют на нее.

Такое горькое чувство особенно свойственно детям в Израиле. Они ощущают сгустившиеся над этой страной черные тучи войны. Они утрачивают ребячью жизнерадостность. Они не знают подлинного детства.

Даже на самых маленьких обрушивает уклад израильской жизни горестные новшества. Ну что в самом деле может ответить мать на бесхитростный вопрос своей крохотной дочурки:

— Мамочка, а почему ты меня не отводишь в детский садик?

Не станет же мать объяснять ей, что на новом месте плата за пребывание ребенка в детском саду по карману только весьма зажиточным родителям. А таких естественных «почему» у детишек накапливаются десятки.

— Почему мне здесь еще не купили ни одной игрушки, ни одной книжки?

— Почему я ни разу не была здесь в детской поликлинике? Помнишь, врач говорил, что если я к ней не приду со здоровым горлышком, то оно у меня заболит.

— Почему мы продали дома наш телевизор, а здесь не покупаем новый? Я же должен смотреть «Спокойной ночи, малыши».

Что можно ответить детишкам — тем, кто еще недавно принадлежал к единственному в Советской стране поистине «привилегированному классу»? На чужбине они непрестанно ощущают все новые и новые обиды, и большие горести подтачивают их маленькие, но такие чуткие сердца.

ЛАБОРАТОРИЯ ТЕАТРАЛЬНЫХ КРИТИКОВ

Действенную помощь критикам Российской Федерации оказал президиум правления ВТО: создана республиканская творческая лаборатория театральных критиков под руководством театрального деятеля, главного редактора журнала «Театральная жизнь», кандидата искусствоведения Ю. А. Зубкова. Два раза в год критики приезжают в Москву, смотрят премьеры, обсуждают творческие проблемы. Занятия лаборатории проходят также в Ленинграде и Киеве. В дальнейшем встречи критиков будут проходить и в других городах страны, в столицах союзных республик. Эта необходимость диктуется самой жизнью многонационального советского театра.

Проблема развития советской драматургии и театра в свете задач социалистического реализма — главная тема всех собеседований, дискуссий, обсуждений, происходящих на занятиях в лаборатории. По актуальным вопросам деятельности театра выступали Ю. В. Бабичева из Вологды, И. В. Фукалова из Перми, Б. Н. Лошеньков из Владимира, Ф. С. Чернова из Владивостока и многие другие. Интересно заявили о себе молодые критики М. Г. Ваняшова из Ярославля, Г. Е. Думма из Омска, Т. В. Войнова из Ставрополя.

На занятиях лаборатории часто бывают создатели спектаклей, известные театральные деятели, устраиваются также и встречи с деятелями науки, работниками производства; они обогащают критиков, дают им верное представление о нашем современнике, главном герое советской сцены.

Вяч. ВОРОБЬЕВ

Выступает заслуженный артист РСФСР А. Покровский в сопровождении гитариста И. Петрова и балалаечника Ю. Мардасова.

ВСТРЕЧА С СЕРГЕЕМ ЕСЕНИНЫМ

Недавно гостем клуба «На огонек» стал заслуженный артист РСФСР Алексей Покровский, известный зрителям и по спектаклям Московского Художественного театра и по своим выступлениям с литературными программами. Особенно интересны его композиции, посвященные Сергею Есенину. Одну из них он показал огоньковцам.

Составленная из стихов и песен поэта, она пронизана мыслью о глубокой, органической связи художника и России. «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине,— писал Есенин.— Чувство родины — основное в моем творчестве». Эта сыновняя преданность великого поэта отчему краю стала лейтмотивом концерта.

...Неторопливые аккорды гитары, то грустные, то звонкие балалаечные переборы рождают знакомую мелодию—народную, русскую, тревожащую своим пронзительным настроением. Звучат стихи о «стране березового ситца» с ее «синим платом небес» и «ромашковыми лугами»,— возникает есенинская «голубая» Русь.

Мягкость чистого тенора, стремление донести до слушателя поэтическое слово, сохранить естественность стихотворной интонации и в народных песнях и в тех, что написаны самим А. Покровским на слова Есенина,— все это отличает артиста и его работу.

Но вот меняются ритмы музыки, в ней слышатся удаль и зазывный звон бубенцов — в стихах появляются картины рязанской сельщины, крестьянской юности поэта, заполненной песнями, сказаньями, раздумьями о судьбе.

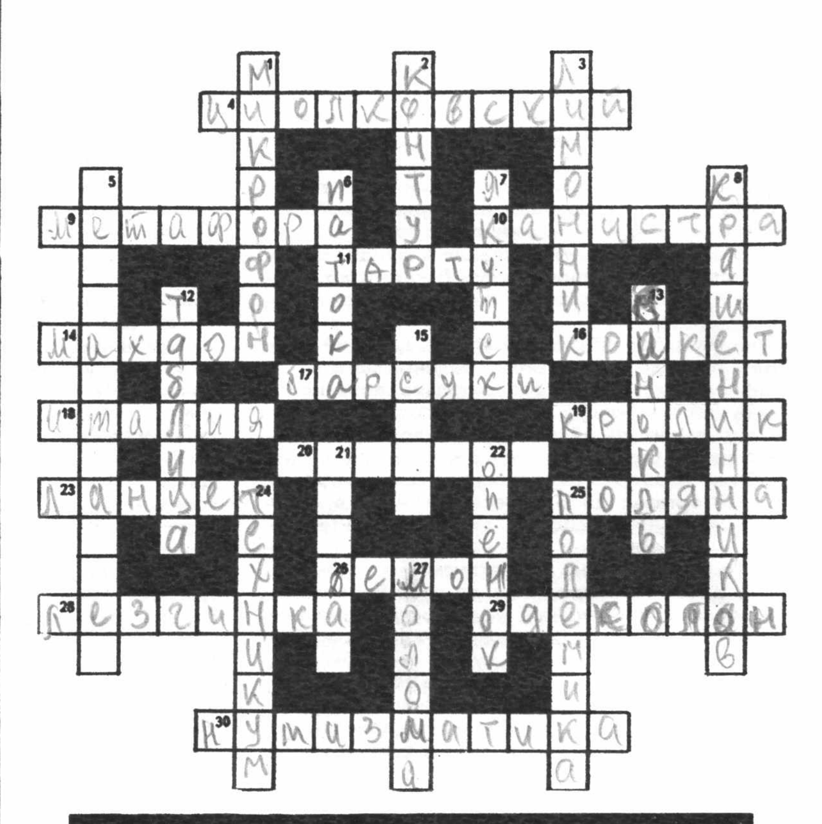
Усложняется духовный мир Есенина, задумчивее звучит музыкальное сопровождение, помогающее глубже почувствовать его слова, образы, понять мысли о революции и России...

Состоялась своеобразная встреча с Есениным, радостная для каждого, любящего поэзию. Музыканты — гитарист Игорь Петров и балалаечник Юрий Мардасов — помогли сделать ее удивительно задушевной, цельной и гармоничной.

В репертуаре А. Н. Покровского еще несколько программ, составленных из произведений Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого. В них тоже использованы романсы и русские народные песни. Для детей он исполняет сказы Бажова, сочинения Жуковского и Гарина-Михайловского.

А недавно вышла в свет пятидесятиминутная пластинка с есенинским концертом Покровского.

О. НЕМИРОВСКАЯ

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Основоположник теории межпланетных полетов. 9. Образное выражение понятия. 10. Бак для бензина, технического масла. 11. Город в Эстонии. 14. Дневная бабочка. 16. Спортивная игра с мячом. 17. Роман Л. М. Леонова. 18. Государство в Европе. 19. Животное семейства зайцев. 20. Химический элемент. 23. Медицинский инструмент. 25. Небольшая равнина среди леса. 26. Поэма М. Ю. Лермонтова. 28. Кавказский танец. 29. Парфюмерное изделие. 30. Наука о монетах.

По вертикали: 1. Преобразователь звуковых колебаний в электрические. 2. Очертание предмета. 3. Вьющийся кустарник с красными ягодами. 5. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес». 6. Сахаристый продукт. 7. Столица автономной советской республики. 8. Русский путешественник и исследователь Камчатки. 12. Числовые данные, расположенные по графам. 13. Оптический прибор. 15. Озеро в Красноярском крае. 21. Советский писатель. 22. Гриб. 24. Учебное заведение. 25. Спор, дискуссия. 27. Приток Вятки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 3. «Подросток». 7. Гудаута. 8. Апофеоз. 10. Ампер. 13. «Казак». 15. Брюллов. 17. Алеко. 18. «Джалиль». 19. Эстрада. 20. Хорда. 22. Андорра. 23. Насос. 27. Триер. 29. Сарафан. 30. Статист. 31. Пустырник.

По вертикали: 1. Одетта. 2. Штопор. 3. Плакат. 4. Кефаль. 5. Купала. 6. Консул. 9. Спелеология. 11. Чарджоу. 12. Аксаков. 14. Колва. 15. Белка. 16. Веста. 17. Айран. 21. Дзиган. 24. Асбест. 25. Эстамп. 26. Свиток. 27. Туапсе. 28. Ретина.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Абсолютная чемпионка мира по художественной гимнастике, заслуженный мастер спорта СССР Галима Шугурова (см. в номере репортаж «Будьте красивы»).
Фото Л. Шерстенникова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ЧССР. Анна Ежова работает на судоверфи в Комарно.— Конвейер автозавода «Татра».— Братислава. Скульптура «Сварщики».— Пражская свадьба.
Фото Ю. Кривоносова, Ю. Лушина и корреспондента журнала «Живот» Ш. Тамаша.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/III—1974 г. А 00554. Подписано к печ. 9/IV—1974 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 966. Тираж 2 130 000 экз. Заказ № 2005.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

БУДЬТЕ КРАСИВЫ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора

...Было это несколько лет назад. Две девушки, а вернее, совсем еще девочки, волжанка и сибирячка, долго гуляли по Москве. Улица вывела их к месту, дорогому для всех советских людей, — к Красной площади, Мавзолею, Кремлю... И здесь девушки дали клятву, горячую, юношескую клятву,— не подвести. Им предстояло нелегкое испытание — защищать спортивную честь Родины за ее пределами.

Сегодня эти девушки, Алла Засухина и Галима Шугурова, стали лидерами советского спорта. На чемпионате мира по художественной гимнастике 1973 года в Роттердаме они добились высших побед в командном и личном первенствах. Наш корреспондент Лев Шерстенников встретился с заслуженным мастером спорта СССР, абсолютной чемпионкой мира и чемпионкой мира 1973 года в упражнениях с булавами, мячом и лентой, победительницей Кубка интервидения студенткой из Омска Галимой Шугуровой.

— Галима! Чем вы увлекались в детстве? С кем дружили?

— Больше с мальчишками, лазила с ними по крышам. Однажды мы разыгрались на стройке двухэтажного дома. Глядим, нас сторож собирается схватить. Мальчишки в сугробы попрыгали, а я стою, раздумываю. «Прыгай!» — кричат мне. Прыгнула. Угодила в какую-то яму. Хотела встать — и тут у меня потемнело в глазах. Мальчишки помогли подняться, отнесли домой с переломом ноги...

— И этот грустный случай повлиял на вашу судьбу?

— В некоторой степени да. До этого я занималась фигурным катанием. Еще когда на коньках, прикрученных к валенкам, каталась, видела себя фигуристкой. Даже в секцию начала ходить — и тут такая история... Когда выздоровела, заглянула с подружкой в гимнастический зал, и тренер Галина Павловна Горенкова меня оставила...

— Ей понравились ваши данные?

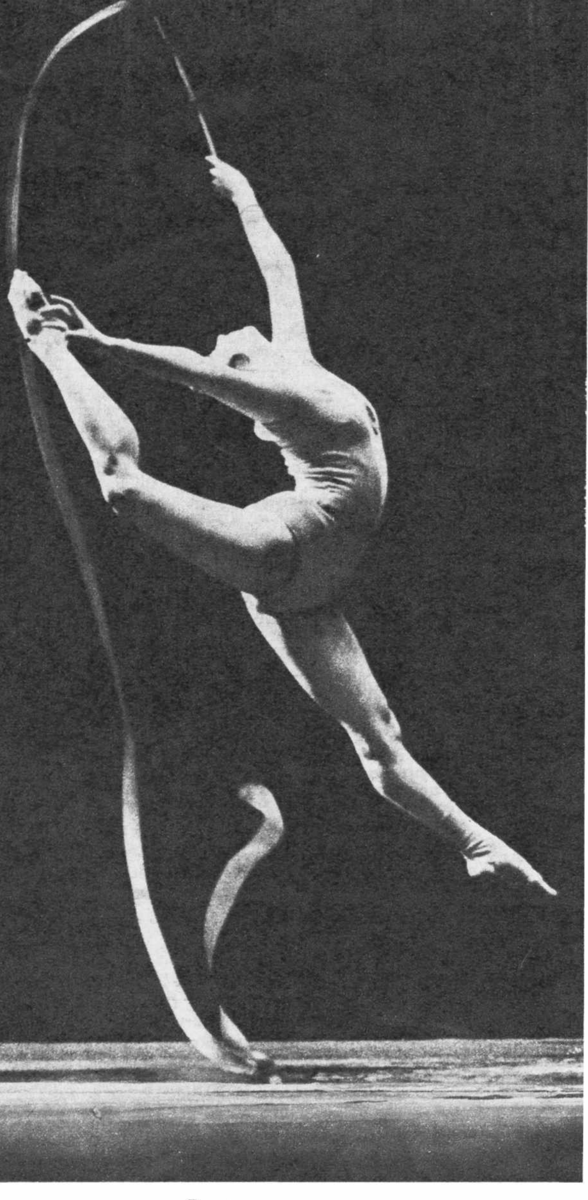
— Что вы! Данных у меня не было никаких — прямо гадкий утенок. Ей говорили, что меня брать не стоит — только время попусту тратить. А она оставила. У меня была подвижность, растянутость, умение слышать музыку. Но оставила она меня вовсе не поэтому, а потому, что была очень доброй, не хотела меня огорчать.

— Расскажите подробнее о своем тренере.

— Галина Павловна занимается художественной гимнастикой по любви, а не по обязанности. С утра до ночи она в зале. Вокруг все время девочки. Новички и завоевавшие уже признание — все тренируются вместе. А то, знаете, бывает, вырастет чемпион, и ему одному тренер все свое время отдает, обособливает его... И еще: Галина Павловна никогда не кричит. А в нашем спорте это очень важно.

— Почему? Разве в любом другом деле окрик приятен?

— Конечно, нет. Но в художественной гимнастике особенно важно настроение, душевное состоя-

В полете.
Фото В. Сафронова.

Старший тренер сборной команды Валентина Батаен.

«Разогреваются»

ние. Если на ковер выходишь вялым или раздосадованным — успеха не жди.

— Что главное в вашем спорте?

— Сообразительность. Если девочке нужно объяснять несколько раз, как выполнить элемент, толку от нее не будет.

— Какие качества развивает художественная гимнастика?

— Прежде всего женственность. Я не могу, например, представить наших девочек курящими. Это просто несовместимо с художественной гимнастикой. У нас красивые костюмы для выступлений, и мы можем их изменять по собственному усмотрению. Это развивает вкус и аккуратность.

— Как вы относитесь к моде?

— Мне нравится современная мода. Но все хорошо до определенного предела. А уж когда парня не отличишь от девушки... Я против такой моды.

— Что вы не успели сделать в жизни?

— Еще ничего не успела. Даже институт пока что не закончила.

— Но это впереди. А что вам больше всего хочется?

— Конечно, стать абсолютной чемпионкой.

— Но вы же и так абсолютная...

— Да, но на верхней ступеньке пьедестала мы стоим вместе с болгарской гимнасткой Марией Гиговой. А хотелось бы завоевать это место одной. Хотелось бы тренировать маленьких девочек и наблюдать, как они расцветают.

— Чем прежде всего является для вас спорт — источником радости или обязательным и обязывающим трудом?

— Трудом. Иногда, кажется, забросила бы все это... Но проходит усталость, и видишь, что не можешь жить без тренировок, без зала, — жизнь становится пустой. Выходит, что спорт — и радость, хотя победы и звания накладывают на тебя обязательства, уклониться от которых невозможно, даже если бы ты и захотела...

— Последний мой вопрос. Точнее, просьба. Что бы вы хотели пожелать нашим читательницам — девочкам, девушкам, женщинам?

— Будьте красивы! Для достижения этого есть много путей.

Золотая сборная страны: Ирина Кириленко, Людмила Евтушенко, Наталья Крашенинникова, Алла Засухина, Галина Логвинова, Ирина Дерюгина, Жанна Васюра, Елена Леонтьева, Галина Шафрова и Галима Шугурова.

Перед выступлением Жанна Васюра мысленно повторяет свою программу.

Болельщики проникают даже на тренировки.

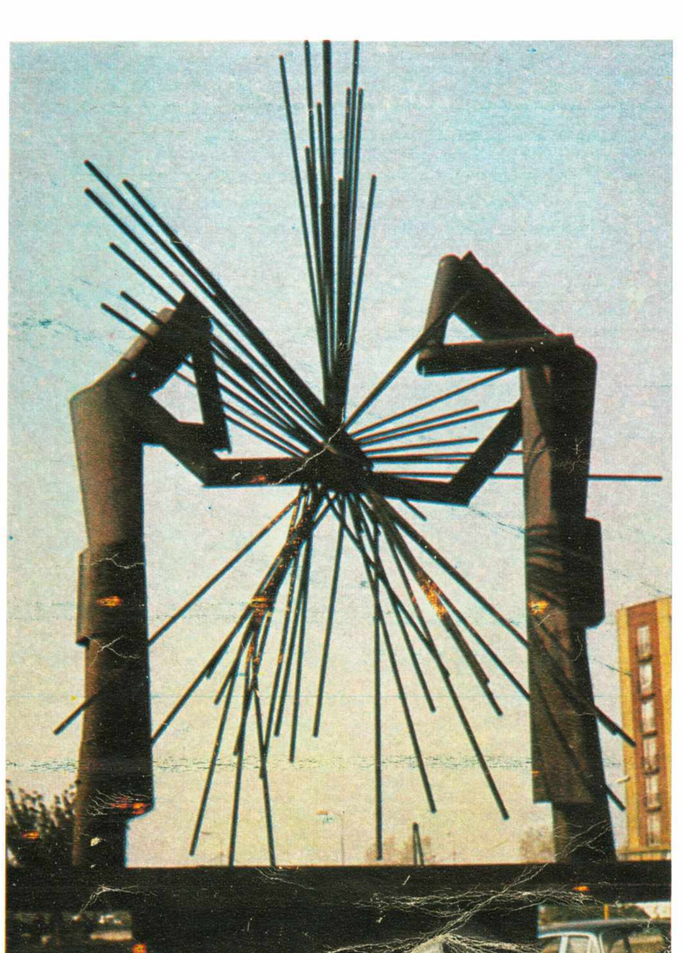

Новый элемент — трудный орешек.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.